

СЕРГЕЙ ВОЛЧОК

АДАШЕВ

СЕВЕРСКИЕ ЗЕМЛИ

16+

Сергей Волчок Адашев. Северские земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54887475

SelfPub; 2020

Аннотация

Если бы Система пришла в Древнюю Русь. В этом мире творится альтернативная история, щедро перемешанная с историей реальной. В этой истории происходит боярЪанеме с настоящими боярами. У этих бояр – прокачка и билды, артефакты и сеты. А еще там есть восстания и ублюдки, плащи и шпаги, завещанный клан и таинственный дар. И все та же вечная битва добра со злом. И ты играешь за бобра. По мотивам романа *La Jeunesse du Bossu* авторства Paul Feval fils. Арт на обложке – аутентичный герб Северских земель из "Царского титулярника", автор – неизвестный русский художник XVII века.

Содержание

Длинное вступление	4
Глава 1. Поздравляю, Жорик, ты бобёр!	25
Глава 2. "Я родился" (с)	36
Глава 3. "...тем им милей господа"	40
Глава 4. "Поворотись-ка, сынку!"	44
Глава 5. "Эх, яблочко..."	50
Глава 6. "Дал обет силён..."	61
Глава 7. "Ходим мы по краю"	67
Глава 8. "Давно ли песни ты мне пела, над колыбелью наклонясь..."	81
Глава 9. «С тобою женихов мы не делили...»	92
Глава 10. «Прощались всем двором, даже плакал кто-то...»	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Длинное вступление

(неизвестно где, неизвестно когда)

Боярин князя Воротынского Семён Адашев был изрядно пьян.

Это, казалось бы, совершенно незначительное событие тем не менее стало сенсацией – слуги только об этом и чесали языками. И немудрёно – все они, сколько бы не служили, пьяным барина видели впервые. Большинство из них совершенно искренне полагали, что одержимый воинскими искусствами и закалкой тела барин ничего крепче молока не употребляет.

И вдруг на тебе! Набрался. Да ещё в такой момент – когда барыня на сносях и вот-вот разродится.

Да и с кем набрался-то!

С побирушкой! С нищим, со слепым каликой-перехожим, которого и имени то христианского не было – кличка воровская, пустая котомка да полна голова вшей, вот и всё владение убогого.

Побирушка пришёл в усадьбу утром, встал на колени у

крыльца и трудолюбиво гундел про «хлебца бы, люди добрые, Христом-богом заклинаю и матью его, богородицей, хлебца бы мне...».

Никто на него особого внимания не обращал – в прошлом году был неурожай и по дорогам нынче много христарадников слонялось. Да и побирuşка был не талантливый – на бандуре не играл, песен не пел, былин не читал и даже не матерился яростно. Ничего стоящего внимания, разве что страшные шрамы на лице. Да и сам побирuşка просто скучно гундел. И никто его не слушал...

Кроме барина.

Тот как раз возвращался после традиционной утренней разминки с саблей – шёл голым по пояс, смущая дворовых девок чеканностью бронзовых от раннего загара мышц. Мимо побирuşки он прошёл, не повернув головы.

И вдруг остановился, как обухом стукнутый.

Барин медленно повернулся, вперился взглядом в нищего и неверящим голосом спросил:

– Голобок? Голобок, это ты? Это же ты – голос твой!

– ...хлебца бы... Ась? Кто здесь?

– Голобок!!! – барин схватил вшивого побирuşку за ломотья, и встряхнул как мешок. – Голобок, ты что – не помнишь меня?

– Голос помню. – равнодушно ответил тот. – Чей – не помню. Хлебца бы мне – мабуть, и вспомнил бы. Брюхо у меня подвело, мил человек, два дня не жрамши.

– Эй вы! – бросив побирушку, барин повернулся в сторону наблюдавших за сценкой дворовых, искомандовал: – Сейчас перекусить гостю, потом в баню его, а после бани – к столу ведите. Стол богатый накрыть. Всё, бегом!

Дворня кинулась врассыпную заполошными курами – когда барин говорил таким тоном, ни медлить, ни задавать вопросы не стоило. А барин наклонился к нищему и тихо сказал:

– Голобок, это я – Молок.

– Молок? – тупое и забитое выражение лица побирушки на миг исчезло, и губы скривились в высокомерной усмешке. – Надо же. Выжил, значит?

И тут побирушка сделал такое, что учини это кто из дворни, уже через миг бы кровью харкал и зубы сплёвывал. Он положил барину на лицо свою грязную ладонь и быстро, но чутко ощупал. После чего сплюнул и сказал:

– А ты заматерел, пацан.

И боярин это стерпел!

Вот с этим-то вшиварём барин и пил второй час. Что там происходило за закрытыми дверями – всем было неизвестно. Собутельники говорили негромко, а подслушивать дураков не было – нрав у барина был крут, а чутьё на подгляд да подслух – как у зверя дикого.

Меж тем в комнате ничего необычного не было. Два мужика сидели за уже порядком растерзанным столом и вели размеренную беседу. Даже языки заплетались не сильно, и лишь красные рожи свидетельствовали о том, что мужчины не только едят.

Вот и сейчас хозяин в очередной раз разлил по кубкам, собутыльники молча кивнули друг другу, и, не чокаясь, опрокинули содержимое внутрь.

Слепой, явно изучивший уже, где что на столе стоит, зацепил квашеной капусты, захрумкал и изрёк, наконец, с невесть откуда взявшимся достоинством:

– Хороша капустка у тебя, хозяин. Так, значит, сыскным меня не сдашь?

– Сыскным не сдам, – хозяин жевал расстегай, и оттого говорил невнятно. – А вот в рожу, пожалуй, дам. Как не дать гостю дорогому, если он ещё раз разговор про это заведёт? Не сдам я тебя, Голобок, не сдам! Не так много нас под небом ходит, чтобы ещё прореживать.

– Одиннадцать. – сказал нищий и ухмыльнулся нехорошей, волчьей усмешкой.

– – Чего? – боярин посмотрел на гостя мутноватым взором.

– Одиннадцать, говорю, нас осталось. Тех, кто жив или может быть жив. Если, конечно, твой приятель из мёртвых не воскрес.

– Не воскрес. – мрачно ответил Семён. – Не довели то-

гда Василия Семёновича. В дороге богу душу отдал. Давай помянем его, что ли?

И хозяин опять разлил.

– А и помянем, – согласился нищий, цапнув серебряный кубок. – Хоть и пёс был Швих, а стойкий. Помин души заслужил. А что до лекарни его не довезли – неудивительно. Вас обоих тогда на телегу загрузили – ну трупы трупами. Ей богу, в гроб краше людей кладут. Мы и тебя за мёртвого держали.

Выпили, заели.

– В общем, одиннадцатый ты. Волк, Рубец и Крапива всё ещё в Диком Поле и даже воют ещё, говорят. До чего всё-таки человек живучая скотина – прямо удивляюсь я ему. Черёмный через полгода к татарам в плен угодил, жив или нет – не ведаю, но на всякий случай среди живых числю. Вихор пять лет назад выкуп выслужил, документы себе выправил, сейчас, говорят, в Москве осел, школу сабельного боя держит. Псов драться учит, гнида! Он всегда гниловат был.

Голобок зло сплюнул на пол, растёр плевков драным лаптем и продолжил:

– Азат, татарин наш, что единственный живым тогда остался, сразу после этого из джигитов выписался к чертям собачьим. Он ведь на калым к тому времени собрал уже, ну и мы с ребятами ему скинулись – он хоть и бусурманин, а свой, как-никак. Побратим. В общем, не нищим Азатулла ушёл. В Степи кочует, разбогател, баем стал, третью жену, говорят,

недавно взял. А все остальные в земле уже, червей кормят. Сам знаешь, Молок, тумачи долго не живут.

Побирушка замолчал.

– Ты сказал – одиннадцать – напомнил боярин.

Нищий молча сунул хозяину кубок, тот, не спрашивая, набулькал ему и себе. Выпили.

– Ну а что одиннадцать? Мы со Стригой и Двойным через три года после этого в побег с Засечной Черты ушли. Не выдал нас тогда Господь – гость размашисто перекрестился – все до Руси живыми добрались, никого тогда псы по дороге не приняли. Здесь, на Руси – сразу разбежались, где они, и что с ними, про то не ведаю.

Слепой помолчал, хозяин не перебивал.

– Мне, сам видишь, не повезло. Сыскные меня в норе обложили после дела одного громкого. Я через дальний отнорок выскочить хотел, да у них, видать, свой человек в нашей ватаге был, и все им про мою нору обсказал. В общем, прямо на чароплёт я тогда выпрыгнул. Да и чароплёт не простой меня ждал, я никогда такой быстрой волшбы не видел. В общем, успел он мне, гнида, огненным шаром очи выжечь, прежде чем я его кончил. Я тогда водой ушёл, но на том моя война и кончилась. У меня Дар хоть и не из простых, а глаза заново отрастить не позволяет. Вот и христарадничаю третий год уже. А что делать? В землю не хочу, не нажился ещё.

Помолчали. Вдруг лицо бывшего разбойника озарила

усмешка.

– Кстати, знаешь что, Молок? Люди бают, что Стрига в наших краях объявился. Да не один, а банду собрал из тумачков, натаскал молодняк. Может, и встретитесь ещё, а? Чем чёрт не шутит, когда бог спит. Стригу-то помнишь?

– Помню, – глухо уронил Адашев, и замолчал. Давно забытые, казалось, картины вновь всплыли в памяти как живые...

Это было семь лет назад, когда нынешний матёрый боярин был самым что ни на есть зелёным пацаном – чистый жеребёнок-стригунок пятнадцати годов от роду. И именно Стрига тогда превратил жизнь молодых недорослей в ад.

На Засечной Черте юный сын боярский Семён Адашев и его сосед и лучший друг, молодой князь Василий Семёнович Одоевский по прозвищу Швих оказались случайно. Им просто не повезло.

Отец Швиха, старый князь Семён Одоевский был на ножах со своим соседом – князем Дмитрием Петровичем Лопатой из рода Пожарских. Вражда между ними возникла ещё в молодости и с годами только множилась и накалялась. Пару раз дело доходило до сабель и раз десять – до кулаков. До убийства, правда, не дошло, другие князья их растаскивали – благо, соседи сталкивались только на воинских сборах, да

в Думе. Зуб, правда, каждый из них заимел на другого – как у зверя моржа, что живёт в Студёном море. Рано или поздно этот раздор должен был закончиться плохо.

Так оно и случилось.

За несколько лет до того, когда дружки Сенька Адашев и Васька Одоевский должны были впервые выехать в полк и начать свою воинскую службу, царь Шуйский издал указ, запрещающий ставить дворянских недорослей командовать людьми без прохождения испытания.

Испытание надлежало сдавать местному воеводе, и оно включало в себя, помимо демонстрации Дара и воинской выучки, месячную службу в войсках в специально введённом чине «соискателя». И лишь по истечении четырёх недель и после того, как воинский начальник в чине не ниже пятисотенного головы признает «пробную службу» недорослей зачтённой, соискатель получал чин «десятника» и первых людей в подчинение. И начиналась нормальная воинская служба.

Но друзьям не повезло.

Воеводой в тот год был князь Дмитрий Петрович Лопата. Который, узрев сына злейшего врага, ажно заржал от радости. И, вместо того, чтобы отправить отрока, как всех остальных, в местную дружину, выписал ему грамоту на прохождение соискательства на Засечной Черте. И приятеля его отправил туда же – за компанию.

Парни, по молодости и глупости, просто плечами пожали

– в Черту ехать, так в Черту, какая разница, где месяц службы мыкать? И даже не обратили внимания на взгляд, которым их проводил древний плешивый подьячий, выписавший подорожную.

А смотрел старый бывалый дядька на них – с соболезнаванием.

Что такое Черта – им доходчиво объяснили уже на месте.

На Засечной тамошние командиры долго разглядывали грамоту и подорожную – чуть не на просвет. Потом шушукались и крутили пальцами у виска. Потом определили наконец в полк левой руки. Потом непосредственный начальник отвёл соискателей в какой-то сарай, велел натаскать сюда сена, сидеть тихо и нос из сарая не высовывать. Разве что раз в день вышмыгнуть как мышка – за стряпнёй горячей на кухню сходить, ну и оправиться по дороге.

Княжич не выдержал, и поинтересовался, за что им такую странную службу определили.

– Так ведь здесь ублюдки на соседней позиции стоят, – охотно пояснил им воевода полка левой руки, матёрый воин с выбитым глазом и страшным шрамом через всё лицо. – Если вы им в руки попадёте – живьём на ремни порежут. Они дворян люто ненавидят и «псами» кличут. Нет, если я, допустим, вовремя про то прознаю, я вас, конечно, отбить

попытаюсь, раз уж вы у меня в полку числитесь. Но я ведь могу и не успеть. И вообще поймите – вы пока никто, и звать вас никак. Вы – мясо.

На недоумевающие взгляды воевода только хмыкнул:

– Это Черта, дураки. Здесь Смерть рядом ходит – только руку протяни. А перед Смертью, сукой старой, все равны. Ей поровну – князь ты или холоп. А жить всем охота, потому народ здесь бережётся, и без нужды никуда не лезет. А уж за тех, кто никто, никто и не встанет.

Ублюдки это понимают – у них-то порядки ещё суровее, у них там вообще Ад Опричный. Поэтому старослужащих они трогать боятся – за тех побратимы сабли из ножен вытянут и мстить пойдут, и никакие приказы никого не остановят. А вот такие птенцы желторотые, как вы, за кого встать ещё некому – любимая их добыча. Поэтому не множьте мои хлопоты – сидите здесь и не отсвечивайте. Если бы вас ко мне нормально служить прислали – я бы, конечно, из вас нормальных воинов делать начал. Но вы ко мне только на четыре недели, а это вообще ни о чём. Поймите, вы вообще – хер знает кто такие, таких, как вы, здесь отродясь не водилось. Поэтому сидите в сарае как мыши, если живы останетесь – через четыре недели выпишу я вам грамоту и отправлю домой восвояси. Какой дурень вас вообще сюда прислал? Это ж надо удумать – соискателей на Черту!

И, глядя на вытянувшиеся лица друзей, добавил:

– А вы как хотели? Это Засечная Черта, здесь князь, не

князь – всем насрать. Здесь у всех первое время задача одна единая – выжить. Когда месяца три здесь проживёшь – можно начинать аккуратно башкой вертеть. А до этого – даже моргать опасайтесь.

Отсидеться у друзей не получилось – сначала почти все дворянские полки сдёрнули затыкать прорыв, который татары учинили под Белоколодском. А на следующий день воевода лично явился в их сарай, снял шапку, как при покойнике, и сказал:

– Не повезло вам, говнюки. Приказ мне сверху пришёл – срочно гонцов отрядить, грамоту надо воеводе в Коротояк доставить. А мне, окромя вас, и послать-то некого – сами видите, лагерь как метёлкой вымели. Сами вы нипочём не дойдёте, а единственная оказия – в Коротояк сотню ублюдков перебрасывают. Придётся вам с ублюдками идти, они через час выступают. Времени нет, собирайтесь, пошли туда, а я пока вам по дороге обскажу подробно, как себя с ублюдками вести, чтобы живыми остаться. Да не дрейфьте вы так. Ну помрёте, и что? Все мы рано или поздно сдохнем, а идти до Коротояка всего два дня. Может, и пронесёт Господь.

И ведь почти пронёс! Ублюдки хоть и были злые в предвкушении передовой, но к дворянским недорослям особо не цеплялись. Судя по всему, сработало выступление воеводы. Старый вояка в последний момент всё-таки пожалел пацанов и выступил перед ублюдками с программной речью. Очень короткой:

– Вы меня знаете, тупаки. Уже полтора года знаете. Это мои люди, я за них вписываюсь. Если они живыми не дойдут, я найду – кто – и порву. Вы меня знаете.

– Не пугай, пёс! – крикнул кто-то из толпы. – Пёс волкам зубы не показывает!

Но воевода, не обращая на крики внимания, подтолкнул недорослей к ублюдочному сотнику, повернулся и ушёл, не оглядываясь.

Сотник мазнул по отрокам безразличным взглядом, и склонился над грамотой.

– Так... Сотник – один, урядников – пять, бойцов – девяносто восемь. Все оружные. Теперь приданных сочтём. Лекарей четверо, неоружные, обозный один – неоружный, три посыльных джигита из татар, оружные. Курьеры, двое – короткий взгляд на сабли – оружные. Все на месте.

Он поставил галку и, повысив голос, заорал:

– Выступаем! Шевелим ходулями, раньше выйдем – раньше придём!

Идти вместе с ублюдками было тяжело. Одной из веток семёновского Дара было Чутьё, и сын боярский когда-то

вбросил туда пару очков. Поэтому сейчас внутри его головы безостановочно визжал сигнал тревоги, сообщая, что вся эта разношёрстная гомонящая толпа, больше всего напоминающая скоморохов, обряженных в разноцветные тряпки – очень, очень, очень опасные люди. С очень неблагоприятными намерениями.

Но истерику Чутья ещё можно было пережить. Хуже было другое – один желающий стать рваньём для воеводы всё-таки нашёлся. Его звали Стрига и на первый взгляд он был серым и неприметный парнем.

Но лишь на первый взгляд.

К вечеру первого дня Семён выучил каждую морщинку на неприметном лице Стриги – так ему мечталось разбить эту харю в кровь. На марше Стрига тенью следовал за «пёсиками», возникая то справа, то слева, и безостановочно сыпал оскорблениями.

И не было в мире такой мерзости, которую, если верить Стриге, не проделали бы матери наших героев с ослом и козлом.

И хотя воевода загодя предупредил отроков о подобной тактике, ровно как и о последствиях нарушения принципа «на слово отвечать словом, на дело – делом», всё равно ближе к вечеру Оболенский не выдержал. Сыну князя было особенно тяжело переносить льющийся поток грязи, ведь фантазия Стриги казалась неистощимой, а процессы он сочно описывал во всех деталях.

Выватив саблю, Василий кинулся было на ублюдка, но был мгновенно скручен и обезоружен сослуживцами Стриги.

Сам охальник смотрел на бьющегося в захвате Ваську спокойно и, пожалуй, даже равнодушно.

– Ты покойник, княжич. – Стрига говорил совершенно ровно, он не угрожал, а именно что информировал. – Всё будет по уставу, сразу после марша я стребую с тебя «дело за дело», свидетелей достаточно. Так что от поединка тебе не отвертеться.

Он повернулся к Адашеву.

– Ты следующий, пёс. Хотя какой ты пёс? Ты щенок слепой, молокосос. Хотя даже молокосос для тебя слишком щедро. Ты – Молок.

И щедрый поток грязи полился снова, но теперь – в одно лицо.

К обеду следующего дня Адашеву казалось, что он сходит с ума. Стрига был неутомим и вездесущ, как дьявол-искуситель в рассказах их сурового деревенского батюшки. Он то шептал в ухо, то, напротив, отъезжал на коне подальше и громогласно сообщал всем детали тайных привычек дворянского недоросля. Народ ржал аки конь и бился об заклад – когда щенок сломается. В том, что сломается, никто не со-

мневался – Стрига при всех пообещал дожать его до прибытия в Коротояк, а неприметный ублюдок был, как выяснилось, местной знаменитостью. Подобными вещами он промышлял давно и осечек ещё ни разу не давал. В общем, на Адашева все смотрели с живейшим интересом, а на Оболенского – как на живого покойника.

Однако на сей раз Стрига как никогда был близок к фиско. До Коротояка оставалось чуть больше часа пути, а Семён всё ещё держался. Давление было непомерно тяжёлым, и Адашев готов был голову заложить – Стрига при прокачке Дара каким-то образом умудрился развить запретную ветку воздействия на чужой разум. Подросток понимал, что вот-вот сорвётся, и держался только на своём легендарном упрямстве, за которое мать лет с пяти звала его «поперечиной».

Всё изменило появление дозорного, который скакал так, как будто за ним гнались все демоны ада. Хотя никто за ним не гнался – отряд как раз шёл по степи в промежутке между двумя лесами, и всё вокруг прекрасно просматривалось.

– Татары в лесу!!! – орал дозорный. – Много, не меньше тумена! Наших всех положили, я один утёк!

После этого крика события сорвались в какой-то совсем немыслимый галоп, и память Адашева хранила только какие-то обрывки происходящего.

Вот сотник, привстав на стременах, смотрит, как из ближнего леса выскакивают низкорослые татарские лошади, а сидящие на них всадники в овечьих шапках ликующе кричат.

Вот заполошная суета и крики:

– В лес! В лес бечь надо!

– Да какой лес, у нас только треть конных. Не добежим, по дороге всех вырежут!

– Только что справа ложбинка была! Неглубокая, но хоть что-то!

– Точно! Ложбинка!

– Кому стоим? Бегом! Бегом!!!

Вот заполошный, безоглядный бег, в который сорвалась вся сотня, в едином порыве рванувшая в сторону неприметной ложбинки.

Вот жалобные, отчаянные крики лошадей, которым резали горло, едва соскочив со спины. Трупы коней спешно укладывали по верху неглубокой ложбинки – это был единственный способ хоть как-то уберечься от стрел кочевников и огненных шаров татарских чароплётгов.

– Лекарей! Лекарей в середину прячьте! Урядник! Кобылыч, твою мать! Твои два десятка за них отвечают. Надо будет – телами своим закроете, нам без них полный карачун сразу настанет.

Вот они с Васькой лежат за чьей-то буланой кобылкой, наблюдая страшное зрелище – как безбрежная татарская конная лава разливается по степи. От топота копыт земля нача-

ла дрожать, как испуганная девчонка, и казалось, нет в мире силы, способной остановить этот порыв.

– Кажись, добегались мы. – весело сообщил Стрига, падая рядом с Адашевым. – Что, пёсик, страшно? Татар тысячи две, не меньше. Набег это, щенки, полноценный набег, а мы у них на пути оказались. Сейчас нас в землю вобьют, и дальше поскачут. Если сумеют, конечно.

И, повернувшись назад, ублюдок заорал:

– Голобок! Голобок, блуднин сын! Где ты там со своим луком ходишь? Бить пора.

И впрямь – со всех сторон застучала спускаемая тетива, да с негромким шмелиным гудением уносились в полёт огненные шары, запускаемые чароплётками ублюдков...

Вот третий или пятый приступ татар. Визжащие кочевники бегут, переваливаясь на кривых ногах, и размахивая кривыми же саблями. Самые ушлые держались за спинами товарищей и пытались выдернуть русских арканами. Выхваченным мгновенно отрезали голову – хан Гирей придерживался принципа строгой отчётности, не предъявив голову кяфыра, нечего было и рассчитывать на вознаграждение.

Именно в третий (или пятый?) приступ Семён отсёк лысоватому татарину руку с пикой, которая в следующий миг должна была проткнуть замешкавшегося Стригу. Ушлый ублюдок всё углядел, но вместо того, чтобы поблагодарить, крикнул:

– Я тебя за это, Молок, на час позже убью. Извини, но не

люблю я ваше собачье племя. Не люблю.

Потом, когда они в перерывах между приступами лежали, отдыхаясь, на истоптанной и скользкой от крови траве, Стрига вдруг спросил:

– А вы в ратном деле шарите, Молок. Что ты, что приятель твой покойный. Откуда бы? Вы ж сосунки.

Васька бы непременно полез выяснять отношения, но уже дважды раненый к тому времени Оболенский как раз забылся в тревожном беспамятстве. А Семён слишком устал, чтобы ругаться.

– Я Адашев, – просто ответил он ублюдку. – Если ты такой любитель подраться, про наш род должен был слышать.

– Слышал, и не раз. – спокойно кивнул тот. – А покойник?

– А Швих князя Семёна Оболенского старший сын. Дядька Семён – мужик вредный и упрямый, поэтому врагов у их дома – как у сучки блох. – сам не зная почему, разоткровенничался соискатель. – Вот он наследника с малолетства воинскому бою и учил, лучших учителей брал. А за малейшую промашку – драл как Сидорову козу, и орал на всю усадьбу: «Или ты, или тебя, понял, сына? По-другому в этой жизни не бывает!».

– Смотри ты, – цокнул языком ублюдок. – Князь, а шарит. Так и есть. Чему-то вас и впрямь обучили, только это ничего не меняет. Я вас всё равно обоих кончу. Именно потому, что или ты – или тебя.

Семён не стал спорить – за это время у него было немало

случаев увидеть, чего стоит Стрига в бою. Ни он, ни тем более Васька, ублюдку были не соперники.

К рассвету Стрига стал командиром – бредивший всю ночь сотник наконец-то отдал богу душу. Власть перешла к первому уряднику, то есть к Стриге.

– Слушайте меня, тупаки! – сразу сказал он. – Расклад у нас хреновый. Подмоги из Коротояка не будет, раз до сих пор не прислали – тот фейерверк, что мы здесь устроили, слепой бы заметил. Это раз. Ещё один день мы в этой ложбинке не усидим – без воды сдохнем. Это два. Выход один – идём в Коротояк сами.

– Как сами? – ахнул кто-то.

– А так! – волком ощерился Стрига. – Обыкновенно. Строимся в каре, и идём, от татар отбиваясь. Здесь недалече – может, и дотопаем.

– А раненные? – степенно поинтересовался какой-то пожилой ублюдок.

– Раненых, кто ходить может – в середину. Лекарей с ними. – ответил урядник. – Лежачих...

Он помедлил секунду.

– Лежачих сами добьём, чтобы без мук отошли, и здесь бросим, – безжалостно пояснил он. – Иначе мёртвые живых за собой утянут.

Того страшного марша по степи до Коротояка Адашев почти не помнил – почти в самом начале он получил по голове татарской саблей, только крепкий череп и спас. Поэтому сознание мутилось, и видения смешались с явью. Семён к раненым не ушёл, шёл в каре, рубил и колол, но совершенно не помнил себя.

Потом, в лекарне, когда он малость оклемался, ему рассказали, что из сотни живыми до Коротояка дошли 36 человек – все раненые, многие – многократно. Легли бы и они, но коротоякский гарнизон спас. Когда те узрели этот «марш живых мертвецов» – высыпали на вылазку из ворот, не слушая осторожного начальства. Отбили остатки сотни у татар, и затащили в город, а без того – не дошли бы.

Но этого Семён уже совсем мне помнил – возле города его всё-таки приложило до беспамятства.

Как шепнул ему потом лекарь-ублюдок – дотащил его до города Стрига.

Боярин князя Воротынского Семён Адашев тряхнул головой, прогоняя воспоминания.

Нет больше того пацана, потерявшего лучшего друга, и повзрослевшего за неделю на десять лет. Есть матёрый воитель Семён Адашев, видевший с тех пор десятки, если не сотни стычек и боёв.

– Стригу помню. – повторил боярин.

Потом посмотрел на гостя и спросил:

– Тебе как, по дорогам таскаться ещё не надоело? Может, у меня останешься, поживёшь спокойно? А, Голобок? Что я тебе – миску щей и кусок хлеба не найду?

Но слепой, не прекращая жевать, помотал головой. Потом выбрался из-за стола, и отвесил поясной поклон хозяину.

– Спасибо тебе за хлеб, за соль, Молок. Но остаться – не останусь. Волк псу не служит.

Адашев неловко пожал плечами, позабыв, что гость этого не видит. А Голобок сказал:

– Пойду я. До ворот доведёшь?

Прощание получилось скомканным, но быстрым. Голобок дружески толкнул хозяина кулаком в плечо, повернулся и пошёл по дороге, постукивая перед собой посохом.

А Адашев замер в воротах, и лишь растерянно крикнул вслед:

– Ты заходи, ежели что...

И тут же повернулся на голос:

– Барин! Барин! – от усадьбы к воротам бежал дворовой парень, которого звали так же, как и хозяина – Сенька.

– Чего тебе? – сурово спросил боярин.

– Боярыня рожает! Повитуха сказала – началось!

Глава 1. Поздравляю, Жорик, ты бобёр!

(Пятью минутами раньше. Наше время, наш мир.)

– Через четыре минуты. – безапелляционно отчеканил стрикашка. – Умрёшь ты через четыре минуты.

Не, ну нормально разговор начался? Просто прекрасная фраза для знакомства. Так или примерно так подумал Егор, но сказать ничего не успел – собеседник опять подал реплику.

– Что завис? – поинтересовался старческий голос откуда-то сзади. – Не веришь, что ли?

Егор промолчал, лихорадочно пытаясь понять, отчего вокруг полная темнота, где он вообще находится и почему не может пошевелить ни языком, ни мизинцем. Какой-то странный предсмертный бред.

– Ах да, ты уже на ступоре, – вспомнил собеседник, – Ну оно даже и к лучшему. Помолчи пока, послушай старших разумные речи.

«Деньги в сберкассе должен беречь ты» – мысленно закончил стишок Егор. «Откуда я знаю этот стишок? Господи, какого только мусора нет в моей голове, – подумал он. – Интересно, это я умудрился заснуть, несмотря на боль, или

происходящее – это всё-таки предсмертный бред?».

– Ни то, ни другое! – огорошил его старичок, не то прочитав мысли, не то просто угадав. – Я просто поставил твою жизнедеятельность на паузу, чтобы спокойно мысленно пообщаться – обрати внимание, ты ведь даже не дышишь. Кстати, это заклинание ману жрёт как не в себя, а мне тебя ещё перебрасывать, если договоримся. Поэтому давай-ка ближе к делу. Сейчас ты соберёшь мысли в кучу и внимательно выслушаешь меня – даже очень внимательно, это в твоих же интересах. Потом я отвечу тебе на один – и только один! – вопрос, вторым шагом ты мне дашь согласие либо откажешься, затем я принимаю окончательное решение, и в зависимости от этого решения ты отправишься либо в мир иной, либо в иной мир.

Так или иначе – твоя короткая 15-летняя жизнь практически закончилась, прими это как данность.

Полагаю, что твоя скорая смерть сюрпризом для тебя не является. Не маленький, сам давно понял, к чему всё шло в последние дни. Думаю, за двенадцать лет скитаний по больницам ты про свою любимую болезнь знаешь всё лучше иного врача.

У меня же есть возможность выдернуть твоё сознание из умирающего тела и перебросить его в другое тело в другом мире. Расшифровывать не буду, всякой японской многотомной галиматьи про перерождение в другом мире ты читал достаточно. В общем, я и есть тот самый грузовик, что сби-

вает попаданца.

Кто я такой – тебе знать не нужно и даже вредно. Но полезно знать, что я не один, и в данную минуту мой антипод примерно то же самое рассказывает твоему возможному сопернику – возможно даже, в соседней палате. По крайней мере это точно происходит в России, оба попаданца должны быть из одной страны, это обязательное условие. И попадаете вы тоже в Россию, только немного другую.

В эту игру мы играем не первый, и даже не сотый раз, причём я всегда играю белыми. Да, да, это та самая многократно осмеянная в твоём мире борьба Добра со Злом, она же битва бобра с козлом.

Могу тебя обрадовать – ты играешь за бобра. Поздравляю, Жорик, ты бобёр! Поэтому должен совершать добрые поступки.

Если бы Егор мог, он бы саркастически хмыкнул. А старик как будто подслушал. Хотя почему «как будто»? Наверняка ведь, пользуясь случаем, копался в его голове, как в своём кармане, старый прохиндей.

– У тебя, я вижу, возник закономерный вопрос – зачем тебе это делать? Нафига тебе этот геморрой с переводом старушек через дорогу и вытиранием сопелек лузерам? – ехидно поинтересовался старикашка. – Охотно объясню.

Я бы мог, конечно, воззвать к твоей совести, но не буду – апелляция к морали и нравственности в этом мире плохо работает. Поэтому я зайду с другой стороны – со стороны

целесообразности.

В мире, куда я тебя могу отправить, тебя будут пытаться убить. Причём в любой момент, причём самые разные люди, причём с пугающей здешнего обывателя регулярностью. Забудь санаторно-вегетарианские отношения между людьми, устоявшиеся в твоём уже почти бывшем мире, где мужчине можно прожить жизнь, ни разу не получив кулаком по лицу. Плюнь на них слюной. Там такого точно не будет, и булки расслаблять действительно не рекомендую.

А что же делать? – спросишь ты. Как обезопасить свою шкуру от не предусмотренных проектом дырок?

А я тебе объясню!

ЛитРПГ, сколько я знаю, ты тоже читать любил? О, да! Андрей Красников и Дем Михайлов – с пониманием, как говорил один мой приятель. Так вот – если бы предлагаемая тебе игра продавалась в Стриме, в аннотации было бы написано «с элементами РПГ». Нет, нет, не пугайся, прокачиваться тебе не придётся. Вернее, ещё как придётся, если жить хочешь, но – исключительно по старинке, безо всяких простыней с цифрами, навыками и умениями.

Всё будет проще и одновременно сложнее – за каждый добрый поступок тебе будет начисляться определённое количество очков. За каждый злой – очки, наоборот, будут списываться со счёта. И даже не спрашивай, по какому алгоритму всё рассчитывается! Просто прими как данность – всё начисляется и снимается честно, не первый век играем. Мо-

жешь сам проверять, если не лень. Чтобы увидеть, сколько очков у тебя на счету, нужно произнести фразу «Мастер, баланс» – можно даже мысленно. И ровно на секунду перед глазами появится цифра твоего счёта.

У твоего соперника, сам понимаешь, всё будет наоборот – зло в плюс, добро в минус, поэтому он всегда готов на подлости, на гадости и на низости. Вылитый Карабас в твоём любимом фильме.

Теперь о том, зачем тебе эти очки. Не скрою, мы с моим... визави, будем внимательно за вами наблюдать. И не просто наблюдать, но и активно вмешиваться в действие – это наша любимая игра и она только начинается. Я буду подыгрывать тебе, он – соответственно, своему «козлу».

Вот только каждое наше вмешательство стоит денег, в смысле – очков на счёте. И чем серьёзнее будет моё вмешательство – тем больше очков спишется с твоего счёта. Поэтому в твоих же интересах иметь на счету как можно большую цифру, чтобы я в случае форс-мажора мог вытащить тебя даже из самой глубокой задницы. А ты там окажешься – даже не сомневайся, твой соперник об этом позаботится.

Каждому из вас выдаётся стартовый капитал – 100 тысяч очков, а дальше только от тебя зависит – растратишь ты его или приумножишь. Кстати, за каждую секунду этого инструктажа у тебя списывается десять очков. Но ты не переживай – лишнего я не задержу, я довольно опытный тренер, хе-хе.

Решения о вмешательстве и списании средств, ты уж прости, буду принимать я – на том простом основании, что в этой игре разбираюсь лучше тебя на несколько порядков, ты, боюсь, просто ошалел бы от одного количества векторов вероятностей, с которыми нам приходится иметь дело, не говоря уже о том, чтобы с ними работать.

Но есть нюанс...

Тон невидимого собеседника неувлимо изменился, Его-ру даже показалось, что старикашка наконец-то прекратил ёрничать и заговорил серьёзно.

– Мне, в отличие от моего соперника, нафиг не нужны бессловесные рабы.

Мне нужны союзники, причём союзники думающие и играющие не за страх, а за совесть. Я привык уважать тех, с кем делю риски игры, и признаю за тобой право иметь собственное мнение и делать самостоятельные ходы.

Поэтому ты сможешь вмешаться в игру.

Если то, что собираешься сделать, будет чрезвычайно важным для тебя – вот прямо совсем-совсем важным – ты можешь произнести: «Мастер, я иду ва-банк» и назвать конечную цель. После этих слов озвученная цель становится безусловным приоритетом, и я начну помогать тебе всеми доступными средствами – вплоть до полного обнуления счёта. В этом я ручаюсь тебе своим словом.

И это абсолютно нематериальное поручительство прозвучало неожиданно весомо. А старичок меж тем продолжал.

– Но имей в виду – произнести эти слова ты можешь только трижды за всю свою жизнь. Как в сказке – только три желания.

Ещё одно важное замечание – к несчастью для тебя, прошлую игру я выиграл. Поэтому по давней традиции на эту игру я даю фору своему противнику – именно он сделает первый ход. Для тебя это означает следующее: твой соперник на старте окажется в лучшем положении, чем ты. Говорю это исключительно затем, чтобы оно не стало для тебя неожиданностью, и ты не рвал глотку в обличении несправедливости этого мира. Я играю с тобой честно, это мой давний принцип. Поэтому честно предупреждаю – Вы начнёте игру одновременно, но окажетесь в разных телах. Он, как я уже сказал, в... э-э-э... скажем так, более функциональном.

Где и кем ты и он родитесь – я не знаю, здесь чистый корейский рендом. Есть только два условия. Вы оба будете связаны изначально. Не обязательно родственными отношениями – но связь между вами обязательно должна присутствовать. Грубо говоря – он может быть конюшенным твоего дяди, живущего в соседнем городе, но условие «связь через одно рукопожатие» должно соблюдаться. Второе – вы оба будете дворянами. Это связано с одной из особенностей мира, в который ты попадёшь, ну да на месте узнаешь.

Вполне может оказаться, что вы очнётесь в этом мире далеко друг от друга, но ты не расслабляйся – мой антипод довольно быстро его к тебе подведёт. А ты как думал? На

что же, по-твоему, обычно тратится стартовый капитал? Я, конечно, постараюсь отбиться, но гарантий никаких – мы не можем делать события совсем уж неправдоподобными и невероятными. Будущее нельзя гнуть через колено, оно правится много тоньше, виртуозной игрой на векторах вероятностей. Впрочем, эти детали тебе не нужны.

Да, ещё – своего соперника ты должен будешь вычислить сам. И это может стать проблемой. Зло притягивает другое зло, а плохие люди объединяются гораздо быстрее, чем хорошие. Поэтому вокруг твоего соперника, боюсь, вскоре соберётся целое кубло негодяев, и вычислить его в этом змеином клубке, боюсь, может оказаться непросто.

Старик за спиной Егора вздохнул, и, похоже, пошамкал губами. Впрочем, пауза была недолгой.

– Ну вот, пожалуй, и всё. Про мир, где ты окажешься в новом теле, я тебе рассказывать не буду – у тебя будет время разобраться на месте. Ну или не будет – как повезёт. Скажу только, что он примерно соответствует России XVII века, но с изрядными отличиями – всё-таки параллельная Вселенная. В общем, разберёшься, тем более, что ты этим периодом отечественной истории всерьёз увлекался и – не скрою – для меня это стало одним из аргументов в пользу твоей кандидатуры.

На этом мой инструктаж заканчивается. Вопрос задавать будешь?

На этих словах время вновь двинулось вперёд, как будто

кто-то нажал кнопку Play. Появились звуки, включилось зрение и проявилась довольно неплохо оборудованная больничная палата, медицинская кровать, никелированная капельница и какой-то плачущий прибор в изголовье.

Лежащий на кровати юноша был настолько худ и измождён, что выглядел лет на 10-12.

В ответ на вопрос он еле заметно кивнул и даже не выдал, а вытолкнул из себя только два слова:

– Почему. Я.

Старик хмыкнул и не пожалел 20 очков на двухсекундную паузу. Потом наконец ответил, причём тон его неуволимо изменился. Он стал... Ещё серьёзнее, что ли?

– Хороший вопрос. Есть шанс, что я в тебе не ошибся. Почему ты? Да как тебе сказать... Слушай, давай начистоту: этот ваш мир – редкостное дерьмо. И чем дальше, тем дерьмовее он становится. Я не знаю, в чём дело, так до конца и не разобрался. Может быть, причина в том, что вы живёте в тупике – к вам нет входа никому, а выход односторонний, поэтому покинуть мир можно только так, как ты – насовсем. Не буду говорить высоких слов, но в последние годы мне всё сложнее находить своих в вашем мире. Ещё полвека назад было проще. Больше столетия назад, когда вчерашнее неграмотное быдло, неумело держа мел в заскоружлых пальцах, выводило на доске «Мы не рабы, рабы немы¹» – всё было по-

¹ Мы не рабы, рабы немы – знаменитая фраза из первой советской азбуки «Долой неграмотность: Букварь для взрослых».

другому. Они, конечно, тоже дров наломали будь здоров, и оппонента моего порадовали изрядно, но сейчас...

Сейчас, как я уже говорил, бессловесных рабов становится всё больше, да и крикливые бунтари немногим лучше.

Потому что никто не знает – что делать и куда идти. Из вашего мира уходит надежда, Егор. И её сёстры тоже². Потребление растёт, цинизм процветает, а в добро уже мало кто верит. А кто верит – молчит, потому что застебают и оборжут.

Ты, будучи прикованным к постели с малых лет, очень мало общался с внешним миром и не успел этого цинизма набраться. По медицинским показателям пользование компьютерами и планшетами для тебя было серьёзно ограничено. Поэтому окном в мир для тебя стали книги – позабытые-позаброшенные в большинстве семей старые бумажные книги, что связками привозили тебе из дедовской библиотеки родители. И жизни тебя учили их авторы – наивные чудаки ушедших веков, верящие в честь и справедливость и пишущие сказки со счастливым концом...

Всё, время!

Оборвав рассказ, старик громко и официально произнёс:
– Вопрос был задан и ответ получен. Принимаешь ли ты моё предложение?

² Сёстры Вера, Надежда, Любовь и мать их София (греч. Мудрость) – святые мученицы, жившие во II веке в Риме. Вера, надежда и любовь являются тремя христианскими добродетелями, упомянутыми в Первом послании к Коринфянам апостола Павла: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» – (1 Кор. 13:13).

– Да, – скорее выдохнул, чем сказал Егор, которому оставалось менее минуты жизни.

– Согласие получено. – отчеканил невидимый старик. У него, кажется, даже голос помолодел. – Да начнётся игра!

И уже понизив голос:

– Удачи тебе! Не ссы, Капустин, прорвёмся.

Последнее, что запомнил Егор – вернее, уже практически не Егор – за мгновение до переноса сознания включилась какая-то безумная музыка и чей-то противный шепелявый голос успел немелодично прокричать:

Твори добро на всей земле,

Твори добро другим во благо...³

Похоже, ехидный старикашка всё-таки постебался напоследок.

³ Авторство стихов – Елены Ярмоленко и Александра Медведева, более известного как Шура. Примечательно, что это стихотворение, начинающееся словами «Руки твои сильные...» было опубликовано в Казахстане в учебнике по «Самопознанию» для 4 класса (ННПООЦ «Бобек»)

Глава 2. "Я родился" (с)

Часть первая. Княжество Белёвское

Темнота была непроглядной. Темнота убаюкивала. Впервые за многие годы Егору было хорошо. У него наконец-то ничего не болело, и он мог просто лежать. Не терпеть, не превозмогать, не скрипеть зубами, стирая их в порошок под корень – а просто бездумно лежать и наслаждаться отсутствием боли. И не было в мире счастья выше этого.

В этом мире не было времени, в нём не было расстояний. Бывший Егор то растекался по всей Вселенной, то сжимался в точку, не имеющую длины и высоты. Этот мир был идеален.

«А старикашка обещал прессинг и сжатые булки, – лениво подумал бывший Егор. – Наврал, брехло старое». И вновь растворился в неге.

Однако спустя пару минут – или несколько столетий? – что-то дотронулось до его пятки. Лежащий на боку бывший Егор недовольно подтянул ноги к подбородку, но прикосновение повторилось, и теперь оно больше напоминало толчок. Счастливый обитатель нового мира недовольно поморщился, но толчок повторился, а потом последовал ещё один. Они были нежными и деликатными, но всё более и более настойчивыми. Наконец, один, на редкость сильный, сдвинул бывшего Егора с места.

«Чёрт знает что! – подумал тот. – Отдохнуть не дадут» – и попытался передвинуться вперёд, чтобы выйти из зоны поражения. Это оказалось весьма проблемным, а потом вдруг стены сдвинулись, мягко обволакивая его и толкая вперёд.

Через несколько минут сомнений не осталось – его выдавливали, словно пасту из тубика. Деликатно – но неумолимо.

Потом пришла боль, но это было не страшно – к боли он давно привык. А вот изгнание из Рая – причём ни за что! – было настолько обидным, что он чуть было не расплакался.

Да ладно, что уж там – уже практически расплакался.

Но не успел.

Голову сжало особенно сильно, давление стало практически нетерпимым, но потом всё вокруг него как-то исчезло и вспыхнул яркий свет, пробивавшийся даже через закрытые веки.

От неожиданности он заорал.

Заорал позорно, можно сказать, завизжал, как та увидевшая крысу уборщица в районной больнице, где он однажды случайно оказался.

– Сын у тебя, боярыня, – услышал он женский голос. – Ишь, горластый какой, и шлёпать не пришлось – сам разорался! Добрый воин будет.

Он всё понял сразу, мгновенно – зря, что ли, в прошлой жизни перечитал массу фантастики?

И, не сдержавшись, мысленно застонал, не прекращая, впрочем, мстительно орать в полный голос.

Потом, наконец, взял себя в руки и мысленно произнёс: «Ну что, как говорил Лунтик – я родился. Хеппи бёздей меня».

Тем временем его вытерли какой-то тряпкой, и другой женский голос произнёс:

– Дай его.

Он по-прежнему ничего не видел – глаза почему-то не открывались – но почувствовал, как его прислонили к чему-то мягкому и тёплому. А потом чем-то заткнули орущий рот.

Инстинкты всё сделали сами, без него – и он ритмично зачавкал. А потом в рот полилось что-то несусветно вкусное.

«Чёрт! Вот я запопал – думал он, продолжая лихорадочно сосать и глотать – Я – новорождённый младенец. И что мне теперь делать? Я же сейчас, похоже, пару лет смогу только есть, спать и это... обратное действие к понятию «есть». Какие тут могут быть, к чертям собачим, добрые дела? Ну и как мне качаться?».

– Как сына назовёшь, боярыня? – спросил меж тем первый женский голос.

– Да имя давно выбрано, – прозвучало у него над головой. – Жданом назовём. Ждан Адашев-Белёвский, значит, будет.

«Очень приятно, будем знакомы» – подумал юноша, ставший младенцем. Новоиспечённый – во всех смыслах – Ждан, похоже, наконец-то наелся и его начало клонить в сон. Понимая, что вырубится буквально через несколько секунд, и

противиться этому чувству он никак не может, новорождённый постарался не упустить какую-то очень важную мысль, только что пришедшую ему в голову.

«Что? Ах, да – а не надул ли меня старый? Похоже, есть только один способ это проверить».

И, уже почти засыпая, он шепнул про себя: «Мастер, баланс».

Перед глазами вспыхнули цифры:

92 650

И Ждан счастливо провалился в сладостное небытие.

Глава 3. "...тем им милей господа"

Через три месяца после перерождения моего героя двое крестьян старого князя Белёвского, ожидая, когда дворовые разгрузят подводы, вели неспешный разговор.

– Помрёт, говорят, князь-то.

– Да кто говорит-то?

– А все и говорят. Вон хоть шурин мой. У него племянник у князя в дворне, тот так и говорит – плох, мол, князь. Как свечка тает. Не знаем, говорит, доживёт ли зимы.

– Борони Господь! – торопливо перекрестился его собеседник. – Может, ещё оклемается? Хороший князь, лишку с нас не драл никогда, всё по договору брал. А ещё и третьего года тому, когда два года подряд неурожай был, и мы все деревней лебеду жрали, зерна из своих запасов подкинул.

– Да не свисти! – хмыкнул первый. – Что, вот прям так из своих и кормил вас? Небось ещё причитал – спать, мол не могу, с боку на бок ворочаюсь, всё думаю – как там народишко мой подлый живёт? Сыт ли, пьян ли?

И первый заржал над собственной шуткой.

Но второй шутки не поддержал, смерил собеседника долгим взглядом и подчёркнуто сухим тоном ответил.

– Как он там спал – не знаю, в светлице его ночевать не доводилось. Да и кормить не кормить, а вот зерна для сева подкинул, про то всем ведомо. Мы ж за два-то года всё под-

чистую подъели, сеять почитай что и нечем было. Тут интересно, что мы к князю в ноги падать не ходили, он сам про нашу беду откуда-то прознал. Сам и прислал пять мешков – а мы их уж сами обществом по дворам делили. Потом осенью, знамо дело, в двойном размере своё вернул, не без того, но мы и за то ему благодарны были. Спас он нас, чо уж там.

Князь – он, знаешь ли, не дурак как ты, он потому и князь, что вперёд думает. Вот померли бы мы от бескормицы, или поразбежались бы по дорогам христарадничать – какая ему в том корысть? Да никакой, кроме убытка! А так – и деревня на месте осталась, и своё он с прибытком вернул, и общество теперь знает, что князь у нас не мироед какой, а с пониманием человек, который своих людишек бережёт. Который пусть своё с нас возьмёт, но не за так, а прикроет, если что, а то и поможет. А нам что ещё надо? Да ничего больше и не надо, остальное мы сами себе сообразим. Потому и говорю – жалко, коли князь помрёт.

– Эт да, – поскрёб затылок его собеседник. – Да я ничего не говорю, князь Гаврила – он нормальный хозяин, чо уж там. Тоже не без греха, конечно, того же Оксакова-пса, скорей бы ему сдохнуть, к себе приблизил, но в целом – нормальный у нас князь. Почитай, что у всех соседей ещё хуже, мы на ярмарке с осенней с окрестными мужиками долго болтали, так они про своих такое рассказывали... У нас, короче, лучший. А самое главное – случись князю помереть – там непонятно даже, кому мы отойдём, кто у нас новым

князем будет. Сынка-то ему бог не дал.

– А я тебе про что? – поддакнул первый. – Дочек его мы сызмальства помним, но хозяйствовать-то не им. Мужик хозяином станет, а мужей их общество, почитай, и не знает совсем. Мы их и не видели никогда. А ну как упырь какой придет, нас всех прижмёт и три шкуры драть станет? Мы бы, может, и отправили бы человечка ловкого про нового князя расспросить, и денег общество на такое выделило бы, да про кого спрашивать – непонятно. Кому из зятьёв он в духовной⁴ княжество отписал – про то никому не ведомо, мы всю дворню опросили – никто не знает.

– А может не помрёт? – жалостливым тоном спросил расстроенный первый. – Может, оклемается? Вот верно говорят – от добра добра не ищут. Как подумаю, что к новому барину привыкать придется – сразу матерно лаяться хочется, а меня поп и так неделю в церкву не пускал за сквернословие.

– Может и не помрёт, – фаталистично изрёк собеседник. – Опять же – видал, барчук какой-то вслед за нами приехал, одет по-господски. Мож, лекаря какого князю привезли?

– Тьфу, скажешь тоже. «Лекаря привезли...». Какой ещё в задницу лекарь? Это тиун⁵ князев, Оксаков, пёс шелудивый, своего воронёнка домой высвистал. Не узнал, что ли? У них же одна рожа на двоих, и та чернильно-кляузная.

– О, блин... Точно. А я-то думал, кого он мне напомина-

⁴ Духовная – завещание.

⁵ Тиун: здесь – управляющий.

ет? – протянул его собеседник. – Вот уж точно народ говорит: крысы бегут с тонущего корабля, а стервятники – наоборот, слетаются.

Тут от амбара крикнули, что мешки давно разгрузили, и забирайте уже свои телеги, балаболы. Но, даже выводя лошадь под уздцы, опознавший сыночка крестьянин никак не мог успокоиться: «Лекарь... Такому лекарю... (далее непечатно)».

Глава 4. "Поворотись-ка, сынку!"

– А ну, поворотись-ка, сынку! Экой жердиной ты вырос! Да не вертись волчком, дай рассмотреть, пять лет чай не виделись, пока ты там в училище мои деньги проедал.

Таковыми словами приветствовал старый Оксаков своего сына, вернувшегося к отцу после пятилетней учебы.

В последнее время что среди литовских, что среди московских дворян наблюдался настоящий образовательный бум. Даже сыну боярскому – не говоря уже про боярские и тем более княжеские роды – не то что при приёме на службу, но даже при сватании невесты могли дать от ворот поворот. Просто оттого, что тот не отучился хотя бы пару лет в какой-нибудь академии или университете – «а нам невозможно с неграмотным быдлом родниться». При этом ты еще не везде и попадешь, даже если деньги водятся. В какие-нибудь Славяно-греко-латинскую академию в Москве или Академию и университет Виленский в столице Царства Литовского набирали практически одних столбовых дворян, едва ли не только Рюриковичей и Гедиминовичей⁶.

⁶ Рюриковичи – потомки первого властителя русской земли Рюрика. Гедиминовичи – потомки первого нелегандарного князя Литвы Гедемина. И в Московском царстве, и в Великом княжестве Литовском представители обеих фамилий считались «царской кровью» и оценивались одинаково высоко. Кстати, и тех, и других хватало среди подданных обеих государств – и в Москве гедиминовичей было изрядно, и в Литве – рюриковичей.

Но и для худородных дворян, вроде Оксаковых, предложений хватало – училища, созданные на манер иезуитских коллегиумов, в последние десятилетия открылись едва не в каждом крупном городе. В Гродненское училище пять лет назад старый управляющий князя Белёвского и отправил учиться своего единственного, да к тому же ещё и позднего сыночка. Далековато, конечно, но тамошний директор⁷ что-то крупно задолжал старику Оксакову, поэтому в счёт погашения долга кровиночка училась там с половинной скидкой.

Сынок ещё раз повернулся, и ядовитым тоном спросил:

– Ну что – насмотрелись, батюшка?

– Да уж насмотрелся... – не менее язвительно ответил лежащий в постели старикашка. – Глаза б мои не смотрели, если честно. Ну и рожа у тебя, Антипа!

Сынок явно что-то хотел ответить что-то колкое, но благоразумно проглотил замечание.

Молодой 17-летний Оксаков, которого, как вы уже поняли, звали Антипой, и впрямь ничем не походил на Коула Спрауса. Скорее он напоминал Фернанделя, если его, конечно, ещё кто-нибудь помнит – очень худой, очень долговязый, и с предельно лошадиным лицом. Кстати, с папашей они и впрямь были донельзя похожи. Вот только старик, отдавший свою жизнь двум пламенным страстям – деньгам и женщи-

⁷ Не примите за просочившееся современное слово. На самом деле главы учебных заведений в России изначально именовались именно «директорами». В Московском университете, к примеру, директора сократили до «ректора» только в XIX веке, в 1803 году.

нам, считал себя писанным красавцем, и узнавать себя в этом отражении категорически не желал.

– Как твоя учёба? – тем временем поинтересовался тинун. – Ваш директор писал мне, что у тебя было что-то вроде припадка месяца три назад – ты никого не узнавал, дичился и говорил всякие глупости?

– Да так... – неопределённо повёл рукой сын. – Один муж не вовремя домой вернулся, пришлось с окна прыгать, а спальня у купчихи на втором этаже была. Нога подвернулась, и я башкой неудачно приложился. Сейчас уже всё прошло, мозги на место встали.

Старик недоверчиво посмотрел на сына. По его мнению, отпрыск больше всего напоминал расхаживающий по комнате скелет в дворянском платье и с саблей на боку. Разве что купчиха некромантией одержима была.

– А Дар твой как поживает? Он же у тебя тот же, что у меня – Планирование ты от меня в наследство получил.

– С Даром всё хорошо, папенька. Я его постоянно тренирую, и развивается он весьма активно. У меня уже третий уровень.

Старик вскинулся:

– А не врёшь? Больно уж быстро. У меня самого – четвёртый только.

Сынок пожал плечами:

– Могу открыть.

– А и открой, милый, – не стал противиться родитель. – В

нашем ведь деле как – доверяй, но проверяй.

Сынок сделал быстрый жест, и папаша всмотрелся во что-то, одному ему видимое.

– Не соврал. – старик удовлетворённо откинулся на подушки. – Положим, третий ты максимум пару недель назад получил, но не соврал. Это хорошо, потому что скоро Дар тебе пригодится.

Старик поёрзал на кровати, и вперился глазами в сына. Похоже, наконец-то начался серьёзный разговор. Это почувствовал и сынок, который перестал метаться по комнате, бухая сапогами по половицам, и замер в углу, пожирая отца глазами.

– Я скоро помру, сынуля. – сразу зашёл с козырей отец. – В этом году у меня был удар крови⁸, а потом – ещё один. Поэтому хожу с клюкой, оправдывая фамилию⁹, а чаще всего – лежу пластом. Княжий лекарь сказал, что третий удар может случиться в любой момент, и его я уже совершенно точно не переживу. Я поэтому и вызвал тебя из Гродно, оторвав от риторики, грамматики и попоек.

Сынок обозначил сочувствие покачиванием бровей, но не произнёс ни слова. Отец хмыкнул, и продолжил.

– Ты не стал рассыпаться в дурацком сочувствии из цикла:

⁸ Удар крови или апоплексический удар – инсульт, что, собственно, и переводится с латыни как «удар».

⁹ Род Оксаковых (позже – Аксаковых) – татарского происхождения. Фамилия происходит от слова «оксак», что в тюркских языках означает «хромой».

«Как вы можете так говорить, вы непременно поправитесь и проживёте сто пятьдесят лет...», и это радует. Есть шанс, что ты умён и чувствуешь собеседника. Да и директор мне писал, что ты весьма неглуп.

Начну издалека. Как тебе наверняка известно, наш род Оксаковых достаточно древний – наш предок мурза Оксак выехал из Орды в Литву ещё при князе Ольгерде и по сроку своего дворянства мы немногим уступаем гедиминовичам. Но при этом мы бедны, как библиотечные мыши. Поэтому ни в один приличный клан Оксаковых не взяли, а в дерьмовые мы сами не пошли – мы хоть и бедны, но дураками никогда не были. Так и скитаемся между кланами, продавая свои сабли и головы. Часть Оксаковых служит Литве, часть – Москве, есть, говорят, наши и у польского круля, и даже обратно в Орду парочка подалась, обессерменились¹⁰ родственнички. Кстати, сын мой, а что ты предпочитаешь продавать – саблю или голову?

– Руки и ноги у меня на месте и учителя фехтования в училище неумёхой меня не называли. За себя я постоять сумею, и смею заверить – эти длинные руки становятся только длиннее, когда в них сабля, но остаются такими же умелыми. Но зарабатывать саблей на жизнь – слуга покорный. Если у благородного человека всё в порядке с головой, ему нет нужды ежедневно ставить голову на кон.

– Хороший ответ, сын мой. Но, кстати, о благородстве. А

¹⁰ Обессермениться – сменить веру. От слова «бусурман» – «иноверец».

как ты относишься к дворянской чести? Ты уж прости, что выспрашиваю, сам понимаешь, я тебя давненько не видел.

– Да нормально всё. Как отношусь? Я вам так скажу, папаша – честь дело хорошее, когда тебе не приходится думать, как мягко ты сегодня будешь спать, и как сладко ты перед сном пожрёшь. А если за твоей спиной ни клана, ни покровителя, ни денег – один дырявый вытертый плащ, то тебе не до этой щепетильности. Ты просто берёшь то, что тебе глянулось, никого не спрашивая и ни с какой честью не сверяясь.

На этих словах Оксаков-младший цапнул из стоящей на столе тарелки яблоко и обнажил длинные лошадиные зубы, намереваясь вонзить их в сочный бочок.

– **СТОЯТЬ!!!** – никто никогда бы и не подумал, что умирающий ещё способен говорить таким командным голосом.

Глава 5. "Эх, яблочко..."

Ошалевший Антипа застыл с открытым ртом, так и не донеся яблоко до места назначения.

– Яблочко на место положи, – уже прежним, полуживым голосом продолжил отец. – Ты смотри – то самое цапнул. Значит, правильно я выбрал, и князь его первым возьмёт. К нему рука так и тянется.

Старый тиун посмотрел на вытянувшуюся физиономию сына и хмыкнул.

– Что глаза вытаращил? Любит князь местные яблочки, их одни почитай что и ест каждый день, невзирая на болезнь.

Младший подошёл к отцу, наклонился над постелью и, делая вид, что поправляет подушку, прошептал в ухо:

– Это то, что я думаю? Яблоки отравлены?

Отец молча кивнул, а потом довольно громко сказал:

– Да ты не бзди, сынок, можно спокойно говорить, здесь нас никто не слушает. Отучил я всех слухачей от этого занятия, да и сейчас пара обязанных мне людишек на всякий случай снаружи приглядывает, чтобы никто близ комнаты не слонялся. Вот, держи, кстати... – и он вытащил из-под одеяла пачку бумажных листов.

– Здесь про каждого из княжих ближних людишек написано, все их грехи в подробностях обрисованы, все их сек-

реты потаённые. Чтобы мог, ежели что, у любого шуляты¹¹ в кулак взять. Новый князь большинство разгонит, конечно, но вдруг кто останется? Да и вообще, лишним не будет, это гора с горой не сходится, а людишек на земле много и суетливые они – постоянно между собой сталкиваются. Вот тогда и пригодится бумажка.

– Новый князь, значит... – со значением протянул юный Оксаков.

– Ну а как же? – как будто даже удивился отец. – Все мы смертны, все перед престолом Господним предстанем, вопрос в сроках. А вот сроки и поправить можно. Про ситуацию с Белёвским княжеством знаешь, или рассказать?

– Лучше рассказать – степенно кивнул сынок. Уважения в его голосе явно прибавилось. – Вы, папенька, по всему видеть, человек знающий. Вас не послушать – самого себя обворовать.

– Так слушай. У нас тут, в Северских землях¹², сам знаешь – Литва с Москвой чересполосицу. Наш старик Белёвский – Литовского царства князь, а соседи наши, Воротынские и

¹¹ Шуляты – мужские яички, они же тестикулы.

¹² Северские земли – историческая область Древней Руси, включавшая в себя сегодняшние территории Калужской, Брянской, Орловской и Курской областей России, Черниговскую, Сумскую и Полтавскую области Украины, Гомельскую и Могилевскую области Белоруссии. Пограничье между Москвой и Литвой, традиционно состоявшее из множества удельных княжеств, владельцы которых «тянули» то к тому, то к другому государству. Историческая родина знатнейших аристократических семейств Российской Империи – Воротынских, Трубецких, Одоевских и др.

Одоевские – князья московские, при Иване Великом ещё под московскую руку подались. Это, значит, первое.

Второе – клан Белёвских почитай что угас. Спору нет, старик Белёвский добрый глава клана был, и в хозяйстве толк понимал, и подраться не дурак был – знал и любил он это дело. Вот только в именном роде он последний – не осталось, кроме него, Белёвских на Земле-матушке. А без именного рода какой это в задницу клан? Неименные дворянские рода, что в клане состоят, или разбегутся сразу, кто поумнее, или между собой сцепятся, чтобы свой род именованным сделать. Все силы да деньги на те битвы спустят, пока их какой-нибудь сильный клан не прихлопнет, да не подведёт под свою руку.

– Так у него что – совсем детей нет? – нетерпеливо спросил сын.

Отец несколько удивлённо посмотрел на него, но ответил:
– Есть, как не быть? Две дочки у него, две близняшки, Арина и Алина. И это как раз третье. Близняшки-то они близняшки, да между собой совсем не схожи. Арина беленькая, Алина тёмненькая. Аринка с малолетства всеми окрестными пацанами верховодила, а Алинка – тихоня, нос с женской половины не показывала. У Аринки даже Дар неженский проснулся – Меткость, добросалась в малолетстве камнями по лягушкам. А у Алинки все по поповским поучениям – Готовка у неё открылась, самый бабий дар. Печёт-варит она и впрямь – пока всё не съешь, из-за стола не встанешь. Замуж дочки выскочили почти одновременно – год назад.

Аринка по любви большой выскочила, и много ниже себя мужа взяла – Семёна Адашева, боярина князя Воротынского.

– Что-то нам в «Гиштории родов русских, литовских и польских» ни про каких Адашевых не рассказывали, – осторожно заметил Оксаков-младший.

– И правильно делали, не бархатных родов, чай. Адашевы – они навроде нас, из татарских мурз выходцы. «Адаш» по-турецки значит «соименник», «тёзка» то есть по-нашему. Тоже ни в одном клане не состоят, саблю продают. Но побогаче Оксаковых, врать не буду. Вояки они знатные, можно сказать – знаменитые.

Всякому ведомо – любой Адашев в битве бешенный, да и готовят их к войне сызмальства, в 15 лет любому можно полк под начало давать, и стрельцы молиться на него будут – потому как людей бережёт и с умом воюет. Да и сам обычно много что умеет, Дары у них в роду открываются – один другого завиднее, привирают даже, что уникальные бывали. Потому любой клан любого Адашева за практически любые деньги возьмёт. Монета у них водится, это всем ведомо. Хотя хозяева они часто – никакие. Вон, Семён, зять нашего князя. Вроде и боярин князя Воротынского, но это на деле слова одни. А на деле вотчина у него – хрен да маленько, два села и деревенька. Арендаторы некоторые лучше живут. Князь Воротынский-то известный жмот, а Семён этот блаженный малость, по-другому и не скажешь. Ему, по-моему, до денег

вообще дела нет. На воинское снаряжение бы хватило, да на хлеба краюху, да на кожух – ночью накрыться. А больше и незачем. Главное – чтобы в бой посылали. Он воевать любит, как медведь – бороться, только подноси. Правда, в битве – и впрямь страшен. Я раз видел, и развидел бы обратно с удовольствием.

Вот такой орёл к нам и залетел раз – с войны с татарами в родную вотчину едучи, у нас в Белёве¹³ остановился. Аринка его как увидела – так глаза больше и не отвела. Здесь, в этом доме, они и согрешили поутру. Арина так орала, что про грех тот вся дворня моментом прознала. Князь, знамо дело, зубами-то поскрипел – орёл-то он орёл, да не ровня совсем, Белёвские-то рюриковичи, причём не из последних. Но дочек он больше жизни любит, потому грех покрыл, сам их в церкву под венец отвёл. Через неделю она и уехала в ту невеликую вотчину мужней женой.

– А вторая дочка? – спросил явно заинтересовавшийся Антипа.

– Ну, Алина – не Аринка бунташная. Она сызмальства правильная и живёт по правилам. И замуж так же вышла – за ровню. За одного из лучших женихов окрестных, за князя Андрея Трубецкого. А Трубецкие – они же гедиминовичи, род свой ведут от внука Гедимины, Дмитрия Ольгердовича,

¹³ Белёв – в старину столица княжества Белёвского. Сейчас – небольшой город в Тульской области, районный центр с населением в 13 тыс. человек. В последние годы прославился своей возрожденной «белёвской пастилой».

князя брянского, стародубского и трубчевского. Ну и Трубчевское княжество его – не последнее в нашем Северском пограничье.

– Понятно... – протянул наследник. – Ну и кто ж из зятьёв так яблочку любит?

– Да уж не Семён-блаженный. – хихикнул старик. – Сам посуди, если к Трубчевскому княжеству ещё и Белёвское приплюсовать – князь Андрей сразу на одно из первых мест в клане выходит, он и с московскими Трубецкими поспорить сможет – а те-то к царскому престолу близонько стоят, да и уделы им в Царстве Московском отвели завидные, когда они в Москву. С тех пор клан Трубецких двойной – московско-литовский.

Но тут ещё одна заковыка – у Трубецких пока детей нет, а Адашевы, как мне недавно сообщили, сыночка уже заделали. А раз мне донесли, то князю и подавно нашептали, сама дочь и отписала, небось, уже не раз. А внуку, по старым уложениям, вполне допускается и двойную фамилию дать. Тогда князь ему вправе и клан передать. Ну не ему, конечно – зятю в управление, пока внук в разум не войдёт. И неименные роды такое решение примут – у внука кровь белёвская, как ни крути.

– Да уж, ситуация забавная... – протянул сын. – А князь кому из зятьёв княжество в духовной отписал?

– А пёс его знает. – ответил отец.

– Папаша, вы знаете, как я вас уважаю, но ей богу, не вре-

мя для шуток.

– Да какие уж тут шутки! – стальным голосом отрезал отец.

Потом цокнул языком и сознался:

– Не знаю. И, думаю, никто не знает. Знал бы ты, сколько я денег – хорошо хоть не своих, а понятно чьих – в окрестных попов да архиереев влил. Все как на иконе побожились – не оформлял у них князь духовную. И это похоже на правду. И где хранит – не ведаю. Уж в его покоях я, сам понимаешь, все сундуки обшарил, все поштучно перетряхнул.

– Может, в Вильно оформил, когда ездил? – предположил Оксаков-младший. – Да царю на хранение и оставил? Такое делали, нам на Гиштории рассказывали.

Но отец только пожал плечами и повторил:

– А пёс его знает!

– Ну что ж, – сказал Антипа. – Спасибо, папенька, за такое наследство. Я не я буду, если не выжму из него всё, что только можно. Думаю, что князь Трубецкой не только меня – ещё и ваших внуков кормить и обеспечивать будет. Я принимаю ваше наследство и благодарю вас за него!

И отвесил отцу поясной поклон.

Старик удовлетворённо кивнул и добавил:

– Ну, это не всё наследство. Сынок, видишь в углу чучело медведя на задних лапах?

Антипа повернулся и внимательно осмотрел бывшего хозяина леса.

– Мастер делал, – прокомментировал он. – Топтыгин как живой.

– Большой мастер делал! – поправил его отец. – Чучело пустое внутри. Если повернуть хвост дважды посолонь¹⁴, голова откинется набок и Потапыч станет как большой кувшин. Всё наворованное на службе у князя я переводил в деньги, и прятал монеты в медведе. Накопил не так много – засыпал лесного хозяина только до колен. Князь, к сожалению, честный человек, и ни в каких мутных делах принципиально не участвовал, у таких много не наворуешь, нет финансовых потоков. Но на первое время тебе хватит.

– Спасибо, папа, – склонил голову Оксаков-младший. – но я вот тут насчёт яблок подумал – а вы не боитесь? У нас в Гродно поговаривали, что в Польше недавно одну ясновельможную пани за подобные развлечения на голову укоротили, и на титул не посмотрели.

– Слышал я про то, – скрипуче буркнул старик. – Укоротили – и правильно сделали. Судя по всему, той пани голова была совсем без надобности. Это же надо было удумать – накормить такую кучу народа крысиной отравой! Ей Богу – ей надо было сразу после того ужина собираться и отправляться к палачу, – всё равно других вариантов уже не было. Он немного посмеялся каркающим смехом.

– Не волнуйся сын, – сказал он, вдруг посерьёзнев. – я пользую верное средство. Вернее – не я, конечно. Всё делает

¹⁴ Посолонь – по ходу солнца, в данном случае – по часовой стрелке.

княжий повар, замазанный в этом деле по самую маковку – так, что уже не соскочить. И я его о тебе предупредил. Так вот, яд, который мы пользуем, я получил от самого князя Трубецкого. Это фряжский яд, «долгая» версия яда «аква Тофана¹⁵», который стоит целое состояние...

– Я слышал о нём, – перебил отца сын. – У меня больше нет вопросов.

– В том-то и дело, – усмехнулся отец. – если бы ты съел то яблоко, с тобой ничего не случилось бы, ты бы даже не заболел. Но если принимать его ежедневно... Лекари уже головы сломали, гадая – чем же болен наш князь, грешат на тоску по умершей жене и уехавшим дочерям. Его не терзают боли, у него ясная голова, он хорошо спит и с аппетитом ест. И всё же жизнь словно утекает из могучего некогда тела последнего в роду Белёвских. А правду знают только четыре человека – князь Трубецкой, я, повар Ерошка и теперь вот ты немножко.

И старик засмеялся каркающим смехом.

– Я всё понял, не волнуйтесь, всё доведу до конца и даже больше. Два вопроса, батюшка. Где в Белёве можно нанять пару добрых сабель вместе с их владельцами, которым не надо рассказывать, как этим инструментом размахивать, рубить и тыкать?

¹⁵ Фряжский – итальянский. «Аква Тофана» («вода Тофаны»), также известный как «неаполитанская вода» – знаменитый яд без вкуса и запаха, изобретённый не менее знаменитой отравительницей Теофанией ди Адамо, давшей яду своё имя и перед казнью сознавшейся в 600 отравлениях.

– Корчма «Луна и грош» – не задавая вопросов, ответил отец. – Любой горожанин покажет. Лучшие наемники – там. Но будь осторожен – народец там с гонором.

– Спасибо. Второй вопрос – сколько из белёвского князя жизнь ещё вытекать будет?

– Я думаю, с месяц, наверное, не меньше – если, конечно, дозу не увеличить. Но я бы не рекомендовал. Мы с ним как будто соревнуемся – кто с курносой раньше встретится. Не хочется выигрывать нечестно. – и тиун опять закаркал смехом.

– Месяц – это нормально. За месяц я успею съездить к князю Трубецкому.

– Зачем? – удивился отец.

– У меня появился план – как увеличить нашу долю в этом деле. Я завтра расскажу – план пока сырой, кое-какие детали ещё обдумать надо.

– Хорошо, давай завтра. Только с князем аккуратнее. У него, как и у тебя, недели три назад с головой что-то было. Глазами лупал, и ерунду всякую молол. Потом вроде оклемался, но злой ходит.

Проговорив это, отец откинулся на подушки.

– А теперь иди. Я устал. Завтра все расскажешь, я, может, чего и посоветую.

Но старый выжига сына надул и ничего не посоветовал. Зря он над курносой шутики шутил – у этой дамы, как известно, слух татарский, а обидчивость польская. Поэтому сорев-

нование управляющий проиграл.

Той же ночью, под утро Антипу растолкали слуги, равнодушно сообщившие, что княжий тиун «кажись, кончается».

Глава 6. "Дал обет силён..."

В здравом уме отца своего Антипа больше не видел. Когда он вошёл в отцовскую спальню, княжий тиун уже был в беспамятстве – лишь стонал да бормотал что-то невнятное. Священник домово́й церкви хорошо поставленным басом читал отходную молитву, слуги шушукались: «Без исповеди, без покаяния отходит! Это его Бог наказал за слёзы наши!», и лишь княжий лекарь деловито собирал свои инструменты:

– Присоединяйтесь к отцу Гавриилу, юноша, – равнодушно посоветовал он подошедшему Антипе. – Молиться – самое разумное, что вы можете сейчас сделать. А я пойду досыпать, мои услуги здесь без надобности. Думаю, к рассвету ваш батюшка уже отойдёт, упокой, Господь, его душу!

Он деловито перекрестился и, буркнув: «Всего доброго!», кошкой шмыгнул в низкую дверь.

Так оно и случилось. Едва солнце позолотило маковки белёвской церкви, старший Оксаков выгнулся дугой и испустил дух.

Дни до похорон в суете и заботах пролетели незаметно. Денег в медведе оказалось весьма немало, причём каких монет там только не было! Антипа, даже не понимая – чьи это деньги, долго рассматривал слоновой кости флорины с лилиями и ликом Иоанна Крестителя, святого покровителя прекрасной Флоренции и блестящие луидоры с профилями Лю-

довика XIII и Короля-Солнце. Но наспех прикинутая общая сумма не поражала воображение – по крайней мере, нашего амбициозного молодого человека. Как правильно заметил почивший папашка, это были подъёмные, капитал для первичного толчка, подаренная сыну возможность развернуться.

Юный Оксаков поймал себя на том, что испытывает очень странное чувство – ему вдруг стало даже жалко, что отец помер. Нет, он его совсем не любил – хотя бы потому, что из-за долгого отсутствия почти не знал – поэтому рыдать над холодным телом совсем не собирался. Он отдавал себе отчёт, что, будь отец жив, ему было бы проще – покойный был изрядным прохиндеем и знающим много тайн человеком, иметь которого в своей команде было бы весьма полезно. Но чувство, овладевшее Антипой, было вовсе не рациональным. Он не сокрушался об уходе полезного союзника. Он просто думал – вот как так? Жил человек, всю жизнь эти деньги копил, а потом взял – и всё мне оставил! За что? С какой такой радости? И тоже не сказать, чтобы любил безумно – в детстве он сына вообще не замечал, а потом они и не виделись вовсе. Зачем? Зачем меня из Гродно вызвал, тайну мне передал, хотя от успеха этого предприятия ему уже не холодно, не жарко будет? Что заставляет родителей так поступать? Что заставляет меня сейчас думать, что будь он живым – мне было бы лучше – там, внутри, хотя я бы в таком случае лишился денег?

И младший Оксаков вдруг понял, что в мире не осталось людей, к которым он бы мог прийти со своей бедой просто так – не на деловые переговоры. И ему даже захотелось поплакать.

Антипа тряхнул головой, изгоняя странные мысли. Скорее всего, дело было в том, что никто и никогда ничего не давал ему даром. Только отец.

Да уж, правду говорят, что даром на этом свете достаются только мама с папой.

Но это не точно.

И не всем.

Закопали бывшего тиуна как-то сухо и буднично, на кладбище никто, кроме симулирующего Антипы да пары выживших из ума бабок, не плакал. Зато на поминках все быстро и умело надрались и даже пару раз подрались.

А наутро Антипу позвали к князю, который уже неделю не вставал с постели, и на похоронах потому не присутствовал.

Князь юному Оксакову совсем не понравился. Глава клана Белёвых был волком, причём волком матёрым. И смотрел по-волчьи, взглядом давил, Оксаков даже оробел слегка. Смотрел князь, впрочем, не зло, даже с некоторой жалостью.

Говорил недолго и явно через силу – всё-таки выглядел князь неважно – но главное сказал. Дескать, он сирот никогда не обижал и сейчас начинать не планирует. Поэтому всё будет так, как они пару месяцев назад договорились с покойным управляющим – сын заступает на должность отца, и бу-

дет исполнять его обязанности до зимы.

Если всё будет нормально, и князя работа устроит, то после Введения во храм Пресвятой Богородицы¹⁶ Антипа Оксаков станет уже полноправным княжьем тиуном.

После этого князь поинтересовался, нет и у новоиспечённого сироты каких-нибудь личных просьб?

Тут-то Антипа и повалился князю в ноги, и попросил слёзно – перед тем, как он засядет за амбарные книги разбираться с хозяйством, отпустить его на пару недель выполнить обет. Пока, мол, отец кончался, дал он клятву Господу совершить паломничество к святой чудотворной иконе Божией Матери Чубковичской¹⁷. Причём от Стародуба до Чубковичей идти Антипа собирался босиком и с, как витиевато выразился будущий паломник, «вервием на вые¹⁸».

Князь расчувствовался, похвалил почтительного сына, пообещал подумать над сокращением испытательного срока и на паломничество благословил.

Ни в какие облюбованные богомольными старушками Чубковичи наследник княжьего тиуна, естественно, не собрался. Ему кровь из носа необходимо было посетить Труб-

¹⁶ Введение во храм Пресвятой Богородицы – двенадесятый великий православный праздник. Отмечается 21 ноября (4 декабря).

¹⁷ Чудотворная икона Божией Матери Чубковичская «Одигитрия» абсолютно реальна, известна с XV века, из-за неё религиозные паломничества в село Чубковичи Стародубского района Брянской области чрезвычайно популярны и поныне.

¹⁸ Верёвкой на шее

чевское княжество и пообщаться с тамошним властителем. Повара Ерощку он отловил давно и плотно пообщался с ним в тёмном тихом уголке кухонного склада, выяснив немало интересных подробностей. Ну а главное – при разборе отцовских вещей нашёл занятную склянку с вроде как водой внутри. Хотя какой разумны человек будет держать в склянке воду? Склянка эта должна была в изрядной степени облегчить ведение переговоров с князем Трубецким.

Повару наш герой, кстати, велел сделать паузу с заправкой яблок. Вдруг заказчик из Трубчевска¹⁹ на переговорах заартачится и вообще решит, что уже оказанная услуга не стоит и гроша? Тогда у Антипы должна быть возможность показать якобы найденную склянку уже белёвскому князю и рассказать про разоблачённый им заговор. Сын за отца не ответчик – так, кажется, кто-то из великих властителей сказал? Жаль, прогуливавший гишторию Антипа уже и не помнил – кто это был.

Оставалось решить последний вопрос – на дорогах Северских земель «пошаливали». Причём изрядно – у отправившегося в путь в одиночку Оксакова были все шансы вернуться в Белёв нагим как Адам, но с основательно разбитой рожей. Это в лучшем случае. В худшем – в столь же раздетом состоянии улечься навсегда в придорожную канаву.

¹⁹ Трубчевск – в старину столица Трубецкого княжества, историческая родина князей Трубецких. Сейчас – районный центр в Брянской области, город с населением 13 тыс. человек.

Сюда он приехал, присоединившись к большому обозу, а вот в «паломничество»... Никто из княжьих людей не должен был знать, куда он направляется.

Короче, нужна была охрана, да и вообще, – как ни жалко отцовских денег, а пора уже обзаводиться своими людьми. Без своих человечков никакой каши не сваришь.

И Антипа отправился в «Луну и грош».

Глава 7. "Ходим мы по краю"

Корчма «Луна и грош» была бы очень уютной, если бы не публика.

Едва Антипа, пригнувшись, втиснулся в низкую дверь, в него вперились столько взглядов, что он почувствовал себя красной девкой, проходящей мимо роты солдат – так его полировали взглядами.

Пройдя как сквозь строй до стойки здорового пожилого корчмаря, и.о. тиуна малость сробел, потому слово «Пива» произнёс позорно. Можно сказать – пискнул, а не произнёс. И сам на себя очень обозлился. Потому кхэкнул и более солидно добавил:

– А к пиву...

На чём и обломался.

– Это корчма. – перебил его хозяин. Говорил он по-русски чисто, но с явным немецким выговором. – Здесь пьют. Жрать в трактире будешь. Может, конечно, в вашей деревне и делают всё одновременно, как при свальном грехе. Но приличные люди дивидируют свои занятия.

– Что, простите, делают? – спросил окончательно ступавшийся Антипа.

– Это латынь, селянин, – презрительно процедил корчмарь. – *Divide et impera*: разделяй и властвуй.

– Я знаю, нас учили – зачем-то сказал Антипа и сразу о

том пожалел, настолько жалко прозвучала эта реплика.

Кабатчик только хмыкнул, вложив в этот короткий звук всё, что он думает об антипином образовании. Затем цапнул со стойки оксаковскую монету, попробовал её на зуб, близо-руко осмотрел результат, утвердительно кивнул и изрёк:

– За стол садись, не стой столбом.

И издевательски добавил:

– Дорогому гостю всё подадут.

Взмокший Антипа плюхнулся за ближайший стол, думая про себя: «Чёрт знает что, ну и сервис здесь у них! Вместо удовольствия – полное ощущение, что тебя поимели». Тут он вспомнил, что ему не дали сдачи, но обратно к стойке не пошёл, решив поднять этот вопрос, когда ему принесут пива. Настроение испортилось окончательно.

Пива фигуристая подавальщица принесла довольно быстро, вот только...

Вот только пива того было 10 здоровенных кружек – именно столько, видать, можно было выпить здесь на уплаченную Антипой серебрушку.

Тут будущий управляющий уже не выдержал:

– Эй, любезный! – прокричал он в сторону стойки.

– Чо надо? – нелюбезно отозвался «любезный».

– Зачем мне столько пива?! – потребовал от кабатчика ответа Антипа.

– А я знаю? – пожал плечами тот. Кабатчик вообще был сама невозмутимость. – Ты приходишь ко мне, просишь пи-

ва, даёшь деньги и не просишь сдачу. Я тебе и даю пива на твои деньги – потому что я корчмарь, работа у меня такая. Какие ко мне вопросы? Я тебе недолил или пиво подал разбавленное?

– Да нет... – Антипа окончательно растерялся и задал самый дурацкий вопрос из всех возможных. – И что мне с ним делать?

– А я знаю? – пожала плечами подлая немчура. – Хочешь пей, а хочешь – на лавку лей. Я знаю только, что обратно в бочонок я его сливать точно не буду.

Народ в корчме откровенно веселился, наблюдая эту эпическую сцену и перебрасывался репликами, в которых слово «дурень» было самым приличным.

Уши у Антипы рдели кумачом. От отчаяния он притянул к себе одну из кружек и присосался к ней. Похоже, найм подручных начался не самым лучшим образом.

Немного успокоившись, он принялся разглядывать народ в зале, пытаясь понять – кого бы он хотел видеть в числе своих первых подчиненных...

Но даже это занятие ему не дали довести до конца. На лавку рядом с ним плюхнулся здоровенный детина с красной рожей, на которой воинственно топорщились пшеничные усы.

– А скажи мне, баба... – густым басом начал он, смешно выговаривая слова.

Антипа вскинулся было, но вовремя понял, что здоровяк

адресуется не ему, а своему приятелю, который как раз при-саживался с другой стороны стола, напротив Антипы. Приятель явно стоил внимания – он был полной противоположностью брутальному толстяку. Тонкий в кости, хрупкий и очень изящный, он напоминал скорее девушку, чем парня, а смазливое безбородое лицо только усиливало это впечатление. Из общей картины выбивались разве что глаза, в которых не было и тени девичьей робости и смирения.

Мужик по прозвищу Баба²⁰ смотрел холодным взглядом человека, которому кровь – что вода.

– А скажи мне, Баба – вновь повторил красномордый. – видал ли ты такое диво? Я вот много раз видал, как тележную ось смазывают дёгтем. Но первый раз в жизни вижу, как её смазывают пивом, да ещё изнутри, а не снаружи!

И толстяк захохотал – что твой конь заржал.

Красавчик веселья не поддержал, и вообще не ответил приятелю, а обратился напрямую к Оксакову.

– Достопочтимейший, – учтиво молвил он нежным голосом. – Мне кажется, что этот невоспитанный человек, которого, кстати, зовут Як, только что нанёс вам оскорбление, потешаясь над вашей внешностью. Не угодно ли вам бросить

²⁰ Пусть вас не удивляет это прозвище – мужчины в те времена не видели ничего позорного в том, чтобы зваться Бабой. К примеру, князь Иван «Баба» Друцкий, рюрикович и потомок Мономаха, считался одним из лучших воителей своего времени. Неблагозвучное по нашим меркам прозвище не помешало ему ни снискать громкую славу, ни стать родоначальником знаменитого дворянского рода Бабичевых.

ему вызов? Я же вижу – вы дворянин, у вас тут у стеночки и сабелька в ножнах стоит. Подрались бы вы, а? Здесь на заднем дворе и место натопанное есть для подобных развлечений. А то скучно сегодня до невозможности.

И андрогин с откровенной издёвкой посмотрел Оксакову, недавно избавившемуся от приставки «младший», прямо в глаза.

Антипа молчал, лихорадочно пытаясь понять – что же ему делать, и как выкрутиться из этой весьма хреновой ситуации. На помощь позвать? Большой глупости и придумать сложно, все посетители корчмы и без того с огромным интересом наблюдают, как эти двое разводят залётного дурачка ушастого, хотели бы помочь – уже вмешались бы. За саблей кинуться? Баба к ней ближе, не даст дотянуться. Да даже если Антипа и дотянется – не факт, что пока он её из ножен вытягивать будет, эти двое не нарубят его на ломти. На мирных гречко-сеев они не похожи от слова «совсем».

– Баба, ты задолбал уже. – усатый Як, в отличие от своего приятеля, явно не был отягощён воспитанием и вежливым обращением. – Всё бы тебе кровь кому пустить, ты маньяк какой-то. Длинный нормальный парень, я ж по глазам вижу.

Развод «на доброго и злого» и в родном селе, и в гродненском училище был чрезвычайно популярен, и на такую дешёвку Антипа не клевал давно. Поэтому он ни на миг не поверил словам толстого, хотя мысль его металась, как голубь в клетке, и паника подступала всё ближе. А толстяк меж тем

продолжал изливаться:

– Поэтому никуда мы драться не пойдём. Мы сейчас посидим, выпьем, поговорим за жизнь, да, Длинный? Вот! Я же тебе говорю – он нормальный пацан. Мы, может, его вообще к себе в команду возьмём, вон он какой здоровый вырос. Длинный, у тебя какой рост?

– Почти одиннадцать вершков²¹ – рассеяно ответил Антипа.

Як восхищённо присвистнул:

– Отличная палка – дерьмо мешать! – и толстяк заржал в голос, откинув голову и почти касаясь затылком стены.

Почему-то на этой идиотской шутке, которую Антипа не слышав в свой адрес со времён беспорточного детства, паника исчезла без следа, а голова стала холодной и ясной. И – главное – он понял, что делать.

В очередной раз опозоренный клиент «Луны и гроша» наклонился к столу, пряча лицо от стыда, но уже через мгновение диспозиция изменилась.

Несколько событий произошло практически одновременно:

Антипа распрявился стальной пружиной и в его руке блеснул металл.

Як поперхнулся смехом и замер, прижавшись головой к

²¹ В старину рост измеряли в аршинах и вершках. Рост в два аршина (142 см.) полагался минимальным для любого нормального взрослого человека, поэтому обычно говорили «рост столько-то вершков», подразумевая два аршина «по умолчанию». 2 аршина 11 вершков – это почти 190 см.

бревенчатой стенке и смешно скосив глаза – в ямочку чуть ниже его кадыка упиралось остриё ножа, выхваченного Антипой из сапога.

Баба кошкой вскочил из-за стола, но был остановлен выставленной вперёд ладонью Антипы.

От соседнего столика ртутью перетекли два мужика и замерли в шаге от Антипы. Один – круглоголовый крепыш с разбойничьей рожей, второй – совершенно неприметный, глазу зацепиться не за что.

– Ополоумел, что ли? – поинтересовался Баба. В его голосе не было ни страха, ни злости, он именно что был просто очень удивлён. – На ленты же нарежем.

Он не угрожал, он информировал, и оттого его слова прозвучали особенно жутко.

Антипа оскалился, как волк, загнанный в угол овчарни. Терять ему было нечего.

– Может, и нарежете, да только не он. – и Оксаков мотнул головой в сторону красной рожи толстяка, на которой обильно выступил пот. – С перерезанной глоткой нарезать как-то несподручно.

И чуть надавил на нож, отчего за ворот толстяку потекла красная капля.

– Достаточно. – тихий голос неприметного прозвучал так весомо, что сразу стало понятно, кто здесь главный коновод. – Убирай нож, поговорим серьёзно. Не тронем.

– Сперва объяснения. – не согласившись, мотнул головой

Антипа.

– Твоё право. – согласился неприметный, но излагать ничего не стал.

Вместо этого он неторопливо вернулся к собственного столику, взял свою кружку, сел напротив Антипы и посмотрел ему прямо в глаза.

– Я коротко – Яку, по-моему, сейчас не очень удобно. В «Луне и гроше» не очень любят чужих. Точнее – совсем не любят чужих. Здесь бывают важные люди, обсуждаются немелочные сделки, ведутся серьёзные разговоры, в общем, чужие глаза и уши нам здесь без надобности.

Теперь следи за руками – в корчму вваливается никому не известный, прости уж, молокосос, одетый не по-воински – не то отчисленный школяр, не то забухавший стряпчий. Тут два варианта. Либо ты бродящий по городу с открытым ртом селянин, который сам не знает, куда припёрся. Либо наоборот – именно что знал, куда припёрся, то есть хочешь нанять людей. За другим в «Луну и грош» посторонние не ходят, выпить можно и в более приятных местах.

Первый вариант отпал после того, как ты не свалил после издевательств Герхарда (корчмарь, внимательно прислушивающийся к разговору, отсалютовал Антипе кружкой), а остался в корчме, да ещё и принялся шариться глазами по посетителям.

Неприметный сделал долгий глоток, опустошив кружку, и продолжил:

– Ну а дальше всё просто. Мы вчетвером сейчас на мели, заказов у нас нет, и нам нужна работа. Но есть тонкость – мы не работаем на абы кого. Я много раз убеждался – подряжаться к слизнякам и дуракам в конечном итоге выходит себе дороже, и вместо приварка получаешь убыток, а то и лишнюю дырку в шкуре. Поэтому мы и устроили эту небольшую проверку.

Антипа убрал нож от шеи Яка, и сел за стол, даже не повернув головы в сторону освобождённого заложника. Тот, впрочем, плюхнулся рядом как ни в чём не бывало. Оксаков меж тем взял свою пивную кружку, и, запрокинув голову, выщедил добрую половину.

– Ну и что показала проверка? – выдохнув, поинтересовался он у неприметного.

– Резкий ты. – неприметный тем временем извлёк откуда-то нож и теперь вертел его между пальцами с непостижимой быстротой. – В драке – телок неумелый, но резкий. И в кашу себе срать не даёшь. Это хорошо.

– Тогда что дальше? – спросил Антипа.

– Дальше? Дальше, если у тебя хорошо с деньгами, мы можем продолжить этот разговор. Извини, но никого лучше нас в Белёве нет, и берём мы дорого. Если у тебя с деньгами так себе, я могу свести тебя с кем-нибудь попроще. Причём за посредничество возьму недорого, половину обычного скину за проверку.

– А как я узнаю, что вы так хороши, как себя расписыва-

ете? – резонно поинтересовался Оксаков. Тут его взгляд зацепился за пивные кружки, которыми был уставлен стол. – Да вы пиво-то берите, что мы насухую болтаем?

– Это дело! – повеселел неприметный и цапнул кружку. Пить, однако не стал, а заорал в сторону стойки.

– Герхард! Герхард! Давай неси чего-нибудь пожрать, сколько можно над людьми измываться? Немчура ты дикая, сколько раз тебе говорить – русским невозможно пить без закуски!

– В просвещённой Европе... – наставительно начал было корчмарь, но неприметный не дал ему договорить.

– Да пошёл ты в задницу со своей Европой. – предложил он. – Пусть там хоть через задний проход пьют, нам-то что? Здесь, слава Богу, пока ещё Россия.

– Здесь Литва – поправил корчмарь.

– Да? А какая разница? – искренне удивился предводитель наёмников. – Всё равно ж русская земля. Северщина – куда уж русее.

– Вот так и неси дух просвещения этим дикарям... – закатил глаза немец, но всё-таки отправился куда-то в сторону кухни.

– И кодда этта немчура уше про закуску поймёт? – с диким немецким акцентом поинтересовался круглоголовый с разбойничьей рожей.

– Да понял он всё давно, Невер. – махнул рукой предводитель. – Ему просто с готовкой связываться лень, вот он в со-

седний трактир девок за едой и посылает. Ему-то какая разница, если посетители всё равно платят? Там на плите уже готовые блюда стоят – они сразу в расчёте на «Луну...» готовят. Всё равно каждый день – одно и то же!

Он снова махнул рукой и повернулся к Антипе.

– Чем мы хороши? Мы дворяне. – просто сказал он. – Благородные.

Потом посмотрел на пьющего пиво Яка, кадык которого ходил туда-сюда как поршень неизобретённого ещё паровоза, и поправился:

– По крайней мере, у всех четверых – Дар. Причём – воинский.

Трактир, судя по всему, и впрямь был неподалёку – всё та же сисястая подавальщица бухнула на стол огромную сковороду со шкворчащими жареными колбасками, примостила краюху хлеба и высыпала, как благородным, пять вилок. Ножи в этом заведении у каждого посетителя были свои.

Разговор ненадолго прервался и возобновился, лишь когда все присутствующие сначала набили рты перчёными колбасками, а потом залили жжение пивом.

После этого предводитель наёмников решил, наконец, познакомиться.

– Тебя как звать-то? Антипа? Ну, Бабу с Яком ты уже знаешь. Як, кстати, не прозвище, а имя, он у нас из эстов, а там и покруче имена встречаются. Есть, знаешь ли, такие имена, когда никаких кличек уже не надо.

– Меня зовут не Як, а Йаак – попытался поправить главаря захмелевший толстяк, уговоривший уже две кружки, но тот лишь отмахнулся.

– Баба, кстати, тоже ни разу не русский, он курш²², просто здорово обрусел и говорит уже как мы с тобой. А вот этого любителя закуски зовут Невер.

Круглоголовый пояснил всё с тем же диким акцентом:

– Этто поттому, што меня здесь зовут Фома, хотя на самом деле я Томас.

– Этого Фому неверующего занесло к нам откуда-то с Рейна. Как и Герхарда, кстати. Поэтому они вдвоём периодически устраивают земляческие посиделки, которые всегда заканчиваются одинаково – они набираются до бровей и на всю улицу горланят «Loreley²³». С Герхардом, кстати, цапаться не рекомендую, ты ему на один удар. Он четверть века в наёмниках отгарабанил и живым остался, что как бы внушает. Потому и вышибал не держит, что ему они без надобности.

Неприметный вздохнул и завершил:

– И вот с этой всей нерусью я и таскаюсь уже пятый год. Меня люди зовут Стригой, потому что я длинных волос не люблю. – и он провёл ладонью по короткому ёжику.

Потом невесело вздохнул – всё-таки его, похоже, повело

²² Курши – западнобалтская народность, давшая название Курляндии.

²³ Loreley («Русалка») – старинная немецкая песня. Написана в честь одноимённой овечьей романтическими легендами скалы на восточном берегу Рейна, близ городка Санкт-Гоарсхаузен.

от пива, и добавил:

– А больше тебе и не надо ничего про меня знать. Лучше спать будешь. Разве что про Дар – как наниматель имеешь право. У нас с Невером Дар одинаков – Скорость, у меня, разве что, прокачан на уровень выше, пятый против четвёртого. Мы потому и сидели поодаль, что знали: если что – за один миг у твоего стола окажемся. У Бабы дар – обманка. Его с виду соплёй перешибёшь, а на деле Силой его наградили. Четвёртый уровень – почти полуторная от обычного человека.

Антипа перевёл взгляд на Бабу. Тот, весело подмигнув, кивнул и, цапнув кованную вилку, вдруг принялся откручивать один из зубцов. Не отламывать, а именно откручивать. Пальцами. Открутил, откинулся назад и принялся в зубах добычей ковыряться.

– Ну а у Яка, – продолжал меж тем Стрига, – Меткость четвёртого уровня. На него посмотришь – ну прям каждый день в ближнем бою бердышом машет, а на деле он в бой и лезет никогда – стоит поодаль с луком, да аккуратненько народ на тот свет споваживает. Он потому под твой засапожник и подставился. Бабу ты бы так не поймал, не говоря уже про нас.

Ну вот, собственно, и всё – наёмник развёл руками. – Что ещё спросить хочешь?

Порядком захмелевший Антипа собрался и задал главный вопрос, который его занимал:

– А вот скажи мне, Стрига, что если дела мои каторгой, а то и плахой пахнут будут?

Баба засмеялся мелодичным смехом, и даже унылый Невер усмехнулся. Як спал. Один Стрига остался серьёзным.

– А для чего, по-твоему, нас нанимают? – слегка осоловевшими глазами он посмотрел на Оксакова – За слёгшими старушками ухаживать? Условие только одно – мы детей не трогаем. Всё остальное – обсуждаемо.

Он опять присосался к кружке – это была уже четвёртая, ещё десяток Антипе пришлось докупать. Потом очень нехорошо ухмыльнулся и протянул:

– Эх, Антипа, Антипа. Пацан ты ещё совсем. Мы, Антипа, люди края. Мы по краю каждый день ходим, постоянно за кромку заглядываем. Нам, Антипа, к нормальным людям больше хода нет, и конец наш уже понятен, вопрос в сроках. А вот надо ли тебе оно... Ты подумай.

– Я подумал. – ответил Антипа.

– Ну раз подумал, – вдруг абсолютно трезвым голосом сказал Стрига. – пошли о деньгах договариваться. Для этого у Герхарда специальная комната есть.

Глава 8. "Давно ли песни ты мне пела, над колыбелью наклонясь..."

Скажите, вы были когда-нибудь младенцем?

Что? Не помните?

Вам очень повезло.

Ждан Адашев-Белёвский переживал младенчество в здравом уме и твёрдой памяти и это было запредельно тяжело. Пожалуй, если бы не больницы, научившие его терпеть запредельные, казалось, муки годами – он бы мог запросто сойти с ума.

Его спасало то, что большую часть времени он тупо спал – так много, как младенцы, не спит никто. Но вот проснувшись, перерожденец обычно обнаруживал себя связанным – спелёнатый, он лежал, как поваленный столбик и мог только тупо смотреть в потолок.

«Гады какие! – злился начитанный ещё с прошлой жизни Ждан. – Балоуна в «Швейке...» по крайней мере связывали за то, что он обед поручика Лукаша не донёс, а сожрал. А меня за что каждый день связывают?!».

От безделья он сам себе читал все стихи, которые запомнил в прошлой жизни (проза почему-то «не шла») и даже пытался сочинять новые. Стихи получались страшноватыми

и корявыми, но какое ни есть, а развлечение. Стихами новорождённый не ограничивался – периодически он сам для себя работал диджеем, прокручивая в голове одну песню за другой.

Справедливости ради, пялиться в потолок было ещё не худшим наказанием – всё равно первые недели видел он из рук вон плохо – лишь какие-то размытые серые пятна, а хорошо различал только свет и темноту. Но вот слышал он с самого начала прекрасно.

И потому самым худшим наказанием для него была кормилица.

Вот её он ненавидел лютой ненавистью.

В кормилицы ему взяли девку из соседней деревни, которая «принесла в подоле» незнамо от кого, да младенец родами волею божию помер – более чем обычная история в те времена. Вот тут-то её, пока молоко не пропало, и отправили в боярские палаты кормилицей.

С молоком у неё и впрямь было более чем хорошо. Там было два резервуара такого размера, что крошечному Ждану можно было не только питаться, но и – он подозревал – принимать ежедневные молочные ванны.

К сожалению, по всеобщему закону равновесия, наделив данную особу выдающимися молочными железами, природа урезала выдачу во всём остальном, начав, как обычно, с головы.

Проще говоря, по мнению Ждана, она была тупой как ку-

рица, но говорливой как сорока. Весь день она трещала без умолку и от этих разговоров у Ждана уши вяли.

А слушать приходилось постоянно, потому что, кроме кормилицы, он видел разве что мать (но не очень часто, ей надо было заниматься хозяйством и вести дом), отца (ещё реже) и пару дворовых девок. Всем остальным на женскую половину – а именно там жил Ждан – ход был настрого запрещен.

Зато кормилица была с ним неотлучно и щебетала безостановочно, а так как говорить, кроме как с подопечным, ей было не с кем, в своих монологах она обращалась исключительно к нему. Клуша (кормилицу звали Лукерьей, и Ждан с мстительным удовольствием переименовал Лушку в Клушу) считала, что, попав в кормилицы, она вытянула счастливый билет. Поэтому она по тридцать раз в день рассказывала Ждану, как плохо было в деревне, где ей приходилось работать от зари до зари, и как хорошо здесь, где она «живет барыней», и всех забот у неё – следить за одним-единственным барчонком, который целыми днями «спит что твой кот», да «сопит в две дырочки как поросёнок». По тридцать раз в день – не преувеличение, Клуша была адептом секты верующих в то, что история, рассказанная дважды, становится в два раза интереснее.

Второй её любимой темой были мечты о том, как она найдёт здесь себе какого-нибудь мужика – «вдовца али ещё кого, кто порченную возьмёт» – женит на себе и будет жить с

ним долго и счастливо.

Разговоры на эти темы Ждан любил больше, но вовсе не потому, что сочувствовал матримониальным планам своей «молочной кухни», как он её называл. Нет, просто когда на Клушу находило настроение «уж замуж невтерпёж», она усаживалась у окна и выцеливала, как из снайперской винтовки, своими немного раскосыми глазами всех проходящих мимо мужиков. При этом она в деталях описывала стати каждого, сопровождая описание своими подробными и донельзя пошлыми комментариями.

Вот это слушать было интереснее всего – как будто сам в окно посмотрел, да заодно ещё и с обитателями усадьбы познакомился.

Но такая радость выпадала не очень часто, в основном же Клуша доводила своим тупым щебетом Ждана до белого каления, быстро сместив с первого места в «антирейтинге говорунов» пребывавшего там ранее спортивного комментатора Дмитрия Губерниева.

«О боже! – тоскливо думал младенец, выслушивая очередное «Ути мой лапатусенька, ути моя сладенькая попочка, так и съела бы такого сахарного...». – Ну почему мне нашли такую запредельную дуру? Ну ведь есть же наверняка неглупые девки. Ну хотя бы просто молчаливые, которые не несут запредельную ахинею двадцать четыре часа из двадцати четырёх? Ведь курица же! Реальная курица с сиськами! Хотя таким сравнением я наверняка обидел большинство кур».

Естественно, от такой жизни мысленное произнесение слов «Мастер, баланс!» было одним из любимых занятий Ждана.

Поначалу.

Потом поднадоело – сколько можно смотреть на неменяющиеся цифры 92 650?

Пару недель спустя произошло эпохальное событие – проснувшись среди ночи, Ждан обнаружил, что пелёнки мокрые, и уже собрался было привычно разораться, но услышал справа от себя сопение спящей Клуши.

И вдруг ему стало её жалко. Клуша была соней и просыпалась ночью с большим трудом, хотя – надо отдать ей должное – подскакивала всегда. Она вообще свои обязанности исполняла донельзя добросовестно – боялась, видать, лишиться «счастливого билета».

В общем, он решил дать ей немного поспать и разораться чуть позже. Так и сделал, а утром с приятным удивлением обнаружил на счету 92 653 очка.

В эйфории от первых заработанных очков он решил было начать качаться по образу и подобию, но, по зрелому размышлению, со вздохом отказался от этой идеи.

Лежать обписанным, а то и хуже, ради трёх очков? Да ну нафиг. Овчинка выделки не стоит. А вот заработать какой-нибудь дерматит более чем реально, и не факт, что в этом Средневековье его успешно вылечат.

Так что набор очков опять остановился, а через неделю,

когда Клуша в очередной раз запредельно выбесила своего подопечного, Ждан специально насосался с избытком, и мстительно срыгнул молоком, постаравшись попасть прямо на неё

Попал.

Клуша отошла к кадке с водой и замыла изгвазданную со-рочку, а со Ждана утром сняли три очка.

Ну и где, спрашивается, профит?

Больше всего Ждана бесило то, что за первые два месяца своей жизни он практически ничего не узнал о том мире, в котором оказался. В болтовне Клуши полезной информации было примерно столько же, сколько воды в камне. Да и остальные люди, навещавшие его, в основном сюсюкали, да агукали. Список мужского населения усадьбы вкупе с гипотетическими половыми возможностями каждого был едва ли не единственным его полезным приобретением.

Впрочем, нет.

Ещё он узнал историю знакомства своих родителей. Её рассказала Клуше заглянувшая на огонёк дворовая девка, причём Клуша только охала да ахала, а девка всё приосанивалась, и сверкала очами, как будто сама это всё и совершила.

По её словам, в молодости госпожа Арина жила не хуже самой царицы московской. Князь Белёвский в дочках души не чаял и баловал их запредельно. Нарядам сестёр позавидовали бы германская императрица и венгерская королева, они

пили из драгоценных кубков и ездили на породистых лошадях.

Поэтому Семён Адашев, остановившийся по пути погостить у князя несколько дней, был просто ослеплён. Напрасно старик Белёвский, хорошо знавший Семёна по нескольким горячим делам с татарами, расхваливал дочкам храбрость и воинские умения гостя. Боярин, влюбившийся в Арину с первого взгляда, может быть впервые обратил внимание на собственную бедность. Он смотрел в тарелку и думал горькую думу:

– Кто она, и кто я? Что я ей могу дать, что предложить? Свою старую усадьбу в селе Семёновке? Село Касаткино с облезлыми заборами, свиньями на улицах и лужеёй перед церковью, в которой коням по брюхо? Она княжна, её удел – блистать при дворе, а я? А меня, дурака, никогда ничего не интересовало, кроме воинского боя и доброго оружия. Вот и погубил я своё счастье. Даже если случится чудо, и я ей понравлюсь, я никогда не рискну к ней посвататься. Потому что после этого всякий назовёт меня прощельгой и охотником за приданным. А незапятнанная честь и доброе имя – это единственное, что у меня есть, потерять их для меня – всё равно, что потерять жизнь.

Воитель так расстроился, что совсем не заметил горящих глаз, которыми пожирала его Арина, а меланхолия, бледность и загадочная отрешённость гостя только подкидывали дров в тот пожар, что разгорался в груди княжны.

В итоге боярин решил уехать утром, тайно, ни с кем не прощаясь. Он хотел бежать, бежать как вор, и больше никогда не видеть княжну, укравшую его сердце.

А та, что украла сердце – не спала всю ночь. Утром, когда едва забрезжил рассвет, и все в доме спали, она, выглянув в окно, увидела как их гость, одетый по-дорожному, уже затягивает подпругу.

Она высунулась в окно как была – в ночной рубашке, и звонко отчеканила:

– Любезный, вы покидаете нас, не попрощавшись? Поднимитесь ко мне и потрудитесь объясниться!

Ошалевший до безумия гость взлетел по лестнице на второй этаж, где была спальня княжны. Она приняла его, лишь накинув платок на ночную рубашку.

– Я вас слушаю, – холодно сказала она.

Трусом Сёмен никогда не был, поэтому честно ответил:

– Я уезжаю, потому что люблю вас больше жизни.

А потом, бекая и мекая, изложил ей свои соображения насчёт нищего жениха и богатой невесты.

Арина закусила угол платка и глаза её налились слезами.

– Господи, какой ты дурачок! – сквозь плач сказала она. – Какой-то невероятный дурачок! А если бы я не выглянула в окно – ты бы так и сломал и свою, и мою жизнь, да?

После чего передала слёзы – княжну научили этому ещё в детстве – проморгалась и подошла к своему избраннику вплотную.

– Если тебя так заботит моё богатство, я уеду с тобой, взяв только свою свадебную рубашку, да кое-какие женские мелочи. Клянусь тебе в том перед богом!

Она перекрестилась на икону и впилась в губы избранника долгим, бесконечным поцелуем...

Платок соскользнул с плеч на пол.

После этого, собственно, и начались те самые стоны и крики Арины, о которых в Белёве судачат до сих пор.

И да – выйдя из Белёвского собора мужней женой, Арина действительно уехала со своим избранником лишь с одной седельной сумкой, как ни упрашивал её отец взять хоть что-нибудь из приданного.

Что было дальше, Ждан так и не узнал – в комнате неожиданно появилась главная героиня этой истории, она же, по совместительству – его мама. Судя по всему, слова о собственных столах она слышала ещё за дверью. Поэтому говорливая девка скоро уже искала пятый угол, и больше в комнате Ждана никогда не появлялась.

А жаль – информатором она была хорошим. В отличие от Клуши.

Однажды случился редкий случай – Ждана пришли проведать и папа, и мама одновременно. Причём не ушли сразу, как это часто бывало, а тетёшкались с сыном битый час, влюблённо глядя друг на друга и на плод своей любви.

Увы, но всё когда-нибудь кончается. Эту идиллию прервала появившаяся дворовая девка – не болтливая, а другая,

Ждан не знал, как её зовут.

– Там это... – вытаращив глаза, начала она.

– Что случилось? – отец уже стоял на ногах, держа в руке снятые ножны с мечом.

– Посыльный там от князя Воротынского прискакал. Говорит – ехать вам надо, князь к себе вас требует. Срочно.

– Ясно. Посыльного распорядись накормить, пока я собираюсь. Хотя стой. – остановил он рванувшуюся к дверям девку. – Посыльный себя не назвал?

– Назвал, как не назвать! Василий, говорит, Бабичев я.

Старший Адашев присвистнул.

– Ближний боярин князя самолично прискакал? Беги на кухню, к посыльному сам спущусь.

Девка исчезла.

– Что же это может быть? Войны вроде нет, тяжб со мной тоже никто никаких не ведёт – зачем я мог князю понадобиться? – Семён озадаченно посмотрел на жену.

Та вдруг вскрикнула и закрыла рот ладонью. Глаза её наполнились слезами:

– Отец умер!

О болезни князя Белёвского у Адашевых знали давно, но навестить старика мешали сначала крайний срок беременности Арины, а затем младенчество Ждана. В итоге решили показать внука через пару месяцев, когда тот немного окрепнет.

– Да полно тебе глупости говорить! – укоризненно заме-

тил Сёмен. – Кто бы стал гонца с такой вестью посылать Воротынскому, а не к нам? Какое ему вообще дело до Белёва, если твой отец Литве присягал, а мой князь – Москве?

Сказав это, он вышел из комнаты, мать последовала за ним.

Как позже понял Ждан из разговоров Клуши и мамы, спустя пару часов отец с посланцем ускакали в Воротынск²⁴. Посыльный сам ничего толком не знал, заверил лишь, что новость скорее всего хорошая – когда князь его отправлял к Адашевым, улыбался и выглядел довольным.

И вновь потянулись безликие дни с разглядыванием потолка и болтовнёй Клуши...

²⁴ Воротынск – столица Воротынского княжества, сегодня – село в составе сельского поселения «Село Калужская опытная сельскохозяйственная станция» Перемышльского района Калужской области России.

Глава 9. «С тобою женихов мы не делили...»

Старый князь Белёвский умирал. Он уже исповедался, сейчас шло соборование²⁵. За закрытой дверью, в большом зале княжьих палат толпилась вся высшая знать Белёвского княжества и прибывшие ко двору гости.

Главным среди гостей, безусловно, был князь Андрей Трубецкой с супругой Алиной – писанный красавец, разодетый как будто для столичного приёма. В его присутствии белёвской бомонд чувствовал себя провинциальными зама-рашками и изрядно комплексовал.

Адашевы не приехали, хотя гонец был отправлен заблаговременно, чем дали обильную пищу для пересудов. Откуда было белёвцам знать, что гонца того близ знаменитого села Ржавец нагнали двое всадников, которыми были Баба и Невер. И что гонец этот уже недели две как лежит где-то в окрестных лесах неглубоко прикопанный, с проломленным черепом – короткую драку завершил Баба, удачно доставший посланного дружинника кистенём в висок.

²⁵ Соборование, оно же елеосвящение – одно из церковных таинств, помазание елеем. В случае с умирающим проводится после исповеди. На соборовании умирающему, кроме прочего, отпускаются те грехи, о которых он забыл или не придал им значения и потому не упомянул на исповеди.

Все собравшие ждали, когда же батюшка закончит собо­рование и всех пустят к князю, пока он ещё жив и в созна­нии. И князь наконец-то даст ответ на вопрос, которых за­нимал всех без исключения белёвцев последние несколько месяцев – кому же он оставляет в наследство княжество?

Именно этот вопрос и обсуждало в ожидании большин­ство присутствующих. И только князь Трубецкой ни с кем не вступал в разговоры – не то от высокомерия, не то от волне­ния. По крайней мере, нервничал он заметно – пока его пре­красная супруга беседовала с подругами детства, он нервно мерил шагами залу, покусывая губы.

Думаю, все бы изрядно удивились, узнав, что в данный момент князя беспокоит вовсе не завещание. Гораздо силь­нее его сейчас интересовало, как исполняется план молодого авантюриста по фамилии Оксаков, который появился в его замке два месяца назад...

Дорога из Белёва до Трубчевска тогда заняла у «паломни­ка» Антипы четыре дня. Можно было уложиться и в три, но был риск загнать лошадей, да и в седле Антипа держался, если честно, так себе.

Зато наговорились попутчики вдоволь. Стрига оказался просто кладезем информации обо всех тайнах окрестных княжеств. За небольшую доплату он обстоятельно переска-

зал Оксакову своё досье на трубчевского князя.

По его словам, батюшка скончался, когда Андрею было 16 лет. Унаследовав княжество и клан, молодой хозяин пустился во все тяжкие. Он, похоже, возомнил тебя не то царём-батюшкой, не то германским императором – из казны черпал горстями и приёмы с танцами устраивал каждую неделю. На звон монеты в Трубчевск скоро слетелась вся окрестная шваль – цыгане с медведями, скоморохи с бубнами, всякие презренные акробаты, музыканты, алхимики, фокусники, поэты и прочая шантрапа, паразитирующая на добрых людях. А уж про пропившихся дворян, пристрастившихся задарма жрать на балах и слабых на передок женщин и говорить нечего – те, объявлялись в Трубчевске каждый божий день, иногда добираясь аж из Вильно! Господи, да кого там только не было! Даже приبلудный эфиоп явился откуда-то со стороны Молдавии, выучив по-русски одну-единственную невнятную фразу: «Я есть предок ваше всё».

Чем это закончилось – легко догадается даже полный идиот. Сундук с казной однажды показал дно, разочарованные блудницы с жонглёрами разбежались, цирк уехал, эфиоп запил и был разжалован в дворники.

Князь, оставшийся в долгах как в шелках, пребывал в унынии. Нет, долговая яма ему не грозила – кто ж его посадит, он же удельный князь! Но вот все неименные роды отчисления в клановый бюджет уменьшили до минимума – мы, говорят, не нанимались пониженную социальную ответ-

ственность финансировать. Поэтому казна практически не пополнялась. А в долг князю уже пару лет никто не давал и давать не собирался – у дураков денег обычно не водится, а те, у кого они есть, не очень часто бывают настолько дурными, чтобы ссужать Трубецкого.

Из меланхолии князя, которому едва перевалило за двадцать, вывела любовь. Как вы, наверное, догадываетесь – любовь к княжне Белёвской. Но – и это для вас наверняка будет таким же сюрпризом, как и для Антипы – не к Алине, а к Арине.

Да, именно нынешняя боярыня Адашева, как уверял своего нанимателя Стрига, стала первой и, пожалуй, единственной настоящей любовью князя.

Они познакомились на шумной свадьбе в Мезетском княжестве, на которую съехались все окрестные властители – князь Кукубяка отдавал свою дочь за сына князя Шутихи²⁶. Там-то Трубецкой и утонул навсегда в глазах блондинки, а дома, поразмыслив, понял, что желаемая им свадьба решает все проблемы, убивая одной стрелой двух зайцев. Он женится на любимой женщине, а после смерти тестя может получить – по крайней мере в управление – еще и Белёвское княжество. Оно, как было известно всем соседям, приноси-

²⁶ Обе фамилии абсолютно подлинные. Мезецкий князь Василий Фёдорович Кукубяка упоминается в документах второй половины XV в., а князь Андрей Всеволодович Шутиха, сын князя Всеволода Юрьевича Орехвы, дал начало трем княжеским родам – князьям Барятинским, старшей и младшей ветвям князей Мезецких.

ло изрядный и стабильный доход, кроме того – кто же откажет в займе человеку, владеющему сразу двумя княжествами?

Молодой князь Андрей приготовился к планомерной осаде. Он нанес два визита Белёвским, один – якобы случайно проезжая мимо по делам, другой – уже по приглашению. И всё бы хорошо, но во время третьего визита он узнал о скоростижном замужестве Арины и с ним едва не случился нервный припадок прямо в палатах князя Гаврилы. Владелец Трубчевска почувствовал себя нагло обворованным, и подлый вор Адашев, укравший из-под носа его счастье, мгновенно стал его злейшим врагом. В расстройстве и истерике молодой князь собрался было откланяться, но вовремя обратил внимание – какими глазами смотрела на него княжна Алина. Брюнетка действительно по уши влюбилась в импозантного красавца, и не было в мире сил, что превозмогли бы необоримость этой первой любви.

«Что ж, – цинично подумал обворованный князь. – За неимением пергамента пишут и на бересте».

С его опытом амурных походов взять эту крепость не составило труда и уже через несколько дней пара бухнулась в ноги старому князю, прося родительского благословения.

Стрый князь Белёвский совсем не обрадовался. Цену своему новому зятю он знал прекрасно, молодого кутилу откровенно не любил и сильно расстроился – не такой судьбы он хотел для дочери. Но дело к тому времени уже было сделано,

несмотря на всю «правильность» Алины, и грех можно было покрыть только походом под венец.

Так вот и случилось, что обе сестры выскочили замуж скоропостижно и практически одновременно.

«А молодой зятьёк начал операцию «Яблочко», – мысленно закончил рассказ Стриги Антипа.

Прибыв тогда в Трубчевск, Антипа много раз порадовался, что не пожалел отцовских денег и нанял «эскорт». Явись он ко двору Трубецкого в одиночку, как нищий калика переходящий, не пробиться бы ему в палаты княжеские, нипочём не пробиться бы. Молодой князь, впрочем, и без того был не в духе и велел гнать в шею всех пятерых, заявив, что тратить свое время на эти незнакомые разбойничьи рожи он не собирается. Пришлось Антипе просить стражу передать князю в знак серьезности его визита яблоко и флакон с бесцветной жидкостью.

После этого Антипа мгновенно оказался в покоях князя, но лишь за тем, чтобы услышать, что шантажистов в Трубчевском княжестве топят в нужнике, и нарушать славную традицию ради прекрасных глаз долговязого визитера князь вовсе не собирается.

Пришлось признаться, что во флаконе вовсе не «аква Тофана», а «аква симплекс»²⁷, – Антипа не удержался и щегольнул латынью, изученной в Гродно. А настоящая аква Тофана сейчас в Белёве и в комплекте с письмом Антипы окажется

²⁷ aqua simplex (лат.) – вода обыкновенная.

на столе белёвского князя ровно через семь дней, если к этому сроку стародубский паломник не вернется обратно.

Со словами: «А ты ловкий прохиндей, весь в папеньку», трубчевский князь согласился выслушать визитера. Антипа отошел к двери, открыл, убедился, что за ней никто не маячит, откашлялся и начал:

– Я желаю служить достойному господину. Белёвский князь, даже если выживет, на эту роль не годится – он стар и у него всё в прошлом. А вот вы – вы можете достичь невообразимых высот. Ну а лучший способ начать службу – это доказать свою полезность. Времени у нас немного – князь Гаврила угасает и через месяц с небольшим упокоится в фамильной усыпальнице близ белёвского собора. Меж тем мой покойный отец не учёл один важный момент. Им я и предлагаю срочно заняться. Сразу предупреждаю – вам придется съездить в Вильно, заручиться поддержкой Его Величества...

Этот самый план Антипа Оксаков и реализовывал сейчас, пока Андрей Трубецкой томился в ожидании окончания соборования. Да сколько этот поп там бубнить будет?!

Как будто услышав его мысли, собороновавший батюшка умолк, потом распахнул двери и хорошо поставленным басом объявил:

– Князь просит всех зайти проститься.

Глава 10. «Прощались всем двором, даже плакал кто-то...»

Народ повалил в открытую дверь, и скоро в спальню набилось море народу. Не влезшие шумели и толкались за дверь. Казалось, здесь был весь Белёв – всё-таки старого князя действительно любили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.